MUSSA JALIL

75

The poems in this book were written by the eminent Tatar poet, Hero of the Soviet Union and winner of the Lenin Prize, Mussa Jalil In 1944 he fell at the hands of his fascist executioners in Moabit prison in Berlin

Mussa Jalil never kept a diary He wrote poems instead Every poem was his reaction to an event in his life, a life that cannot be separated from that of his country. His poems are full of love for his wonderful land, and hatred for its foes They tell of the poet's life and his character which formed in persistent labour and struggle

Mustai Karim, a poet of Soviet Bashkiria, said of Mussa Jalil: "He has come to symbolise one of the summits of the greatness and pride of the Soviet people It is just such people as he who, as ambassadors plenipotentiary, represent their country in the communion of the nations and peoples of the world It is by them that the people of the world form their opinion of the character and heart of the nation that has given them birth"

PROGRESS
PUBLISHERS
MOSCOW

MUSSA JALIL

SELECTED POEMS

Compiled by *Yevgeniya Imbovits*
Designed by *Grigori Dauman*

Муса Джалиль
ИЗБРАННОЕ
*на английском языке
с параллельными русскими
текстами*

Printed in the Union of Soviet Socialist Republics

Д $\frac{70403\text{-}914}{014(01)\text{-}81}$ без объявления 4702510000

CONTENTS

Page

from THE MOABIT NOTEBOOKS

POETRY OF TRUTH AND PASSION*

Jalil never kept a diary. "I don't feel inclined to and I cannot and will not make myself keep one," he once said. But when he left Kazan for the frontlines early in 1942, he felt an urge to entrust his feelings and thoughts to paper. The result, as he described it, was something intermediate between a diary and a letter. These notes convey his sorrow at parting from his beloved wife and his daughter Chulpan.... There is in them a premonition of his tragic fate. Some of the thoughts might sound trite, even slightly overstated had they not been intended for the eyes of the one person closest to him – his wife Amina:

"...I am not afraid of death. That is not an empty phrase. When I say I despise death, that is indeed so... There is a life... after death, in the awareness, the memory of the nation. If I have done anything of significance in my lifetime, anything that will remain, then I have deserved this other life – a life after death... Therein lies the objective of our lives: 'to live so we don't die after death.'"

"Disdain of death" to Jalil was not indifference. The thought that his dearly loved daughter would be orphaned caused his heart to turn over. "My heart is ready to overcome any trials, torture, and suffering, but it cannot reconcile itself to the

---

* Translated by Lydia Kmetyuk

thought that on the evening of January 8, when Chulpan saw her father off, she was seeing him for the last time." To die in the prime of life and talent is unnatural. Even the thought of death is unbearable for any human who is sound of mind. It was the more unbearable for a man who loved life to such a degree as did Mussa.

Yet Jalil was quite honest and did not contradict himself when he said he despised death. He felt he was an integral part of something much bigger, much greater than an individual, albeit an outstanding one. He felt he was a particle of society, of the nation, his Homeland. Without them he could not imagine his own life. He felt he was responsible for their destiny. Therein lay the source of his inner preparedness for his heroic feat. The very preparedness that he was soon to prove in word and in deed. For a poet, the former, incidentally, is tantamount to action.

* * *

In the Soviet Union Jalil projects the image of a poet of courage. His name has become the synonym, the symbol of courage, heroism and unbounded service to his country. A passionate admirer of Jalil's poetry, the Azerbaijanian poet Samed Vurgun paid high tribute to Jalil's courage and the grandeur of his exploit which rank him among the world's greatest:

"The world and its literature know many poets who have made their names immortal, but there are few poets who have won immortality both by their unfading works and by the gallant sacrifice of their lives. They are: the great Byron, the renowned poet of the Hungarian people Petöfi, the heroic Julius Fučik and, finally, Mussa Jalil."

Mussa Jalil is the only poet of the Soviet Union's multilingual literature who was simulta-

neously awarded two of the highest government decorations: Hero of the Soviet Union for personal courage and meritorious performance of duty, and the Lenin Prize for his cycle *The Moabit Notebooks* (both awarded posthumously). The fact that the awards came together testifies to the identity of the heroic feat of the man and the poet. His life is a model of selfless service to country and genuine heroism backed up by poetry. The appeal of his poetry, I mean first and foremost the Moabit cycle, lies in its truthfulness. Every line has been paid for with the highest price imaginable – the sacrifice of blood and life.

This rare identity of word and deed is what appeals to the reader today, especially the young reader, in Jalil's poetry. It ranks among the literary works that do not lose their lustre with the years. Quite the contrary, as time passes they glitter with new brilliance revealing hithertofore unnoticed facets. That is borne out by annual publications of the poet's works in the many languages of the USSR, the big editions his books come out in (well over several million copies) and translations into scores of foreign languages.

When I was in Berlin in 1976 for ceremonies to mark Mussa Jalil's 70th birth anniversary and to prepare the third edition of the Tatar poet's works in the German language, the writers of the German Democratic Republic, wanted to know in what editions Jalil's books came out in his land. I replied that the most recent Kazan edition of Jalil's poetry came out in an edition of 250 thousand copies. The German writers were astonished. "You probably mean 250 copies?" they asked me. "No, 250 thousand, a quarter of a million," I answered. I told them that Jalil's books in editions of 100 thousand copies take only a few months, sometimes weeks, to sell out. To the German writers those figures sounded fantastic.

The poet's great feat was prepared by his entire life. (Though I am far from thinking he prepared himself for it consciously. What's more, would that have been possible?) It was not a momentary inspiration, he was not acting merely on impulse.

In 1921 the 15-year-old Mussa wrote a passionate poem, a poem that was an act of faith. For an epigraph he took the motto of the Paris Communards: "We'll die but not be slaves."

We are strong, we will not lose our bearings
There is none can bar our onward tread.
We are many, to the bright goal tracking,
We cannot and will not be misled.

Without fear we'll close head on in battle,
Every raging tempest we will brave.
Even if for some the struggle's fatal
None of us will ever be a slave.

Twenty-odd years later the prisoner of the fascist prison Moabit Mussa Gumeroff-Jalil (as his name was marked in the files of the condemned) wrote lines in his self-made notebook that sound like the direct continuation of his youthfully uncompromising poem:

Brave in battle you must be, djigit.
Hope in battle never leaves the brave.
Freedom goes with courage, they are granite.
If you have no courage you're a slave!

It would be very simple to draw a straight line between those two extreme points and view Jalil's entire life and creative work as a steady climb to the summit. But life develops along its own line, it has a logic of its own which will not be forced into straight-line blueprints. The poet had his ups and downs, his failures, he sought and was successful or

bitterly disappointed. *The Moabit Notebooks* is the summit of the poet's creative output, the summit to which his heroic spirit rose. But there is more to Jalil than the Moabit cycle. Jalil wrote lyrical poems, poems that were candidly of a publicistic nature, sometimes poems that were slogans from start to end, satirical poems and poems for children, librettos, satirical poems on topical subjects and reports in poetic form. Before the war Jalil was a well-known and widely recognised poet, the chief of the writers' organisation of the Tatar Republic, whose poems were included in school books. That is why it is difficult to reduce his very original and beautiful world to just one, albeit principal, line.

* * *

There's a monument to Jalil at the Spasskaya Tower of the kremlin in Kazan, one of the highest points in the city open to the winds blowing freely from the Volga. The poet is depicted with his feet entangled in barbed wire, his hands tied behind his back. With proudly raised head and narrowed eyes he gazes into the vast distance where he is destined to "live after death". The muscles of his limbs are tensely knotted and his bare chest seems to breathe with unconquered power.

But there was actually nothing heroic about the appearance of the real, the earthly Mussa, as people who knew him say. Easy to get along with, high-spirited, sometimes hot-tempered, but always cooling off swiftly, he was, as they say, one of the boys. He enjoyed good company, heart-to-heart talks with friends, he loved a witty phrase and a good joke. He adored the nature of his land and was sensitive to the beauty of women.

Mussa Jalil was born in the small Tatar village Mustafino, in the Orenburg steppes. From childhood he knew what poverty and hunger meant

and the humiliation that his people were open to in pre-revolutionary years. In 1921, when a severe draught hit the steppelands, he left home so the family would have one hungry mouth less to feed and became a vagrant in the city of Orenburg.

He slept in the streets, ate what he picked up in the marketplace and even stole to keep from starving, as Jalil admitted years later in his autobiography. Soviet government enabled him to get an education and made a respectable man of him.

..."The Mussa we knew was shortish, reticent and not at all striking in appearance," wrote the Tatar poet Sibgat Hakim, a friend of Jalil's. "He was never still, I was used to that. He had an astonishing wit, and his eyes laughed and sparkled constantly with a quicksilvery cunning..."

That was the portrait of Jalil—student of a workers' university, subsequently the Moscow University, the instructor of the Orsk, and then the Orenburg district committees of the Young Communist League, the editor of the children's magazines *Kechkene Ipteshlyar* (Little Comrades) and *Oktyabr Balasy* (The Children of October).

Jalil was never solely a professional man of letters. He was always studying or working, often combining two or three duties simultaneously. His friends never stopped wondering at his inexhaustible energy, his erudition and the steel-trap wit of his logic.

His poetry was like him. Impulsive and passionate, believing implicitly in the just cause of socialism, hostile to all the trash surviving from pre-revolutionary times, it was, at the same time, kindly responsive, tender and lyrical.

No definite line can be drawn between Jalil the journalist, the reporter, and the poet. He often contributed articles, essays and reports on how the Stalingrad Tractor Plant and the Moscow subway projects were progressing, on the new Bolshevist

productivity rates and about people who were in the fore, meeting targets set by the first five-year plans. He criticised bureaucrats and bribe-takers. He wrote about the youth movement and atheistic education, informed the readers of the sowing and harvesting. To one or another degree all those subjects subsequently found their way into his poems.

To Jalil there were no subjects that were below his dignity. Everything that concerned his country, concerned him personally. That is why he has so many poems that were timed for red-letter days. But he never treated such poems as shortlived. He gave them the same attention as he did to all of his other works.

Whereas his poetry on political subjects was usually written in the major key, his intimate lyrical poetry was much more low-keyed. It was sometimes sad, full of doubts and suffering: "It was quite unusual, our friendship! It was all sincerity and fire. But two strongwilled people, for each other to make hell of life we never tired." ("To Hadiya"). It is not the fact that matters in this case, but the veracity of the emotion.

* * *

On April 23, 1945, the 79th Infantry Corps of the Soviet Army that was advancing on the Reichstag, took up positions along the Berlin streets of Ratenowerstrasse and Turmstrasse. A gloomy grey building encircled by a high brick wall appeared before the soldiers through the smoke of the bursting shells. That was Moabit prison. When the troops broke into the prison yard, it was empty. Only the wind stirred the remaining debris and scraps of paper, and turned the pages of some books, most probably those that had been thrown out of the prison library by a blast. A soldier who paused there before the next attack noticed several

lines in Russian on one of the clean pages of a book that was lying about: "I am the Tatar poet Mussa Jalil, held in Moabit prison as a prisoner-of-war against whom political charges have been preferred, and will most likely be shot soon. If some Russian finds this note, convey my regards to my writer-friends in Moscow and break the news to my family." The soldiers sent the page to Moscow, to the Union of Writers. That was the first his country heard of the heroic fate of Mussa Jalil.

In 1946, N. Teregulov, a former prisoner-of-war, brought a slim pad to the Union of Writers of the Tatar Republic. Closely written in it were 60 of Jalil's poems. A year later, the Belgian patriot André Timmermans, who had shared a cell with the poet, sent another notebook with Jalil's poems to Kazan. The poems in those notebooks have since become widely known as *The Moabit Notebooks*. But it took several years to trace step by step the path traversed by the poet through the death camps and to learn the details of his exploit.

In June 1942, the badly wounded and shell-shocked Mussa was taken prisoner when his unit was attempting to break out of a pocket. After months in concentration camps for Soviet prisoners-of-war, Jalil was transferred to Dęblin, a fortified stronghold in Poland. There Mussa met his fellow countrymen, for the fascists were assembling prisoners of Eastern nationalities in the camp. He sought out people he could put his trust in and together they subsequently formed a resistance group.

In late 1942, the fascists started forming what they called "national legions". Among others, the Idel-Ural legion was formed in Jedlino, Poland, of prisoners-of-war belonging to the nations of the Volga basin. (Since the majority were Tatars, the Germans usually called it the Volgo-Tatar legion.) The fascists brainwashed the prisoners in a rabidly

chauvinistic and anti-Soviet spirit, to prepare the legionnaires for action against the Soviet Army. Jalil's group set out to wreck the fascist plans, to convince the men to use the weapons they would be supplied with against the fascists themselves. The members of the resistance group infiltrated the editorial board of the *Idel-Ural* newspaper the German command produced, and printed and circulated anti-fascist leaflets among the legionnaires. They also organised the legionnaires into esoteric action groups consisting of 5 men each.

The very first battalion of the Volgo-Tatar legion that was sent to the Eastern front mutinied, shot all the German officers, and defected to the guerillas in Byelorussia.

In August 1943, fascist spies managed to track down the resistance group. Mussa Jalil and most of his militant comrades were seized. There followed nightmare days and nights of interrogations, torture, and more torture. The gestapo broke his left arm and injured his kidneys. His body was covered with welts from the beatings he got with an electric cord and rubber hose. His crushed fingers were swollen and would not bend. But the poet did not give up. Behind bars he continued his fight against fascism. He had only his poetry for a weapon.

* * *

Much has been written about the horrors of fascist prison. New books, plays and pictures on the subject appear almost every year. But none are so eloquent as the story told by their inmates—the witnesses and victims of the horror. Their testimonials are more than just true to fact. They speak of a truth that has been paid for by the highest price imaginable—the price of one's own life.

The Moabit Notebooks of Mussa Jalil are one

of those inimitable, glaringly truthful historic documents. They contain few day-to-day details. There are practically no particulars about the prison cell, of the sufferings and humiliation to which prisoners were subjected. The poems are concrete in a totally different sense. Their concreteness lies in their emotional and psychological impact.

The feelings of the poet are stark to the extreme. He is totally cut off from the world, from his country, alone with his notebook. The absence of outside impressions brings out the wealth of his inner, emotional world.

Many of the poems of the Moabit cycle reveal how the poet suffered. Loneliness and despair were like a lump rising in his throat. One had to know Mussa's sociable disposition, his love of life, his attachment to friends, to his wife and daughter, and his love of people in general to understand how he suffered from his enforced solitude. It was not his physical suffering, not even the threat of approaching death that tormented Jalil most of all, but his separation from his homeland, from his near and dear, and the prospect of dying in a foreign and hostile land. He was not even certain that his country would learn the truth about his heroic end, he was not sure his poems would live to see freedom. What if the fascists managed to spread untruths about him and people at home would think he was a traitor? What if the "flowers of his soul", his songs, to which he had "entrusted his inspiration", the "warmth of his feelings" and the "purity of his tears", were fated to go down to the grave with him?

But the impression on reading even the most gloomy, desperate lines Jalil wrote is not oppressive. Quite the contrary, the feeling they leave is pride in the man, the greatness and nobility of his soul. A man who loves his country, his people to such an extent, who is interwoven with them with

thousands upon thousands of threads, cannot disappear without a trace, as he exists not only in himself, and for himself, but in the hearts, minds and memories of many, many people. There are no traces of doom, despair and sacrifice in *The Moabit Notebooks* as there were none in the sane, life-loving heart of the poet himself.

Despite his exclusive personal fate, the poet's thoughts and feelings are typical of many people, as the mortal duel with fascism required that the Soviet people apply their entire abilities to the task before them.

The Moabit Notebooks mirror not only the individual features of the poet's character, but the very best qualities of the Soviet people, manifested clearly in the tragic, tense and heroic period of the war. Jalil's poetry is not limited to the framework of one destiny, albeit a most exclusive one, but reveals the very taproots of our victory.

I want to stress, furthermore, that the poems written in Moabit prison are not merely a document of a human destiny, but poetry in the most exalted sense of the word. This poetry is remarkable for its genuine culture, its style, and profoundly national character. The concensus of critical opinion is that the Moabit cycle is the summit of Tatar poetry of the World War II period and one of the very peaks of the Soviet Union's multinational literature.

The heroic feat performed by the Soviet people in World War II is gradually receding into the past. A whole generation has arisen for whom the past war is a story they have read in books or seen on the screen. But Jalil is among us to this day. Streets, Young Pioneer detachments, collective farms, theatres, community centres and ships proudly bear his name. A new city in the oilbearing region of the Tatar Republic and a central avenue in Naberezhniye Chelni, a new street in Berkakit

2-198

township on the Baikal-Amur Railway line and one of the highest peaks on the Antarctic continent have been named after Mussa Jalil. The poet lives on, he is still fighting, educating people with his own example, he participates in all our undertakings and talks with the living as one still alive.

Raphael Mustafin

СЧАСТЬЕ

Если б саблю я взял, если б ринулся с ней,
Красный фронт защищая, сметать богачей,
Если б место нашлось мне в шеренге друзей,
Если б саблей лихой я рубил палачей,
Если б враг отступил перед силой моей,
Если б шел я вперед все смелей и смелей,

Если б грудь обожгло мне горячим свинцом,
Если пуля засела бы в сердце моем,
Если б смерть, не давая подняться с земли,
Придавила меня кулаком,—
Я бы счастьем считал эту гибель в бою,
Славу смерти геройской я в песне пою.
Друг-рабочий, винтовку возьми—и в поход!
Жизнь отдай, если надо, за волю свою.

Октябрь 1919

JOY

If a sword I could take and with it I could dash
To defend the Red front and to strike at the rich,
If the tyrants and butchers my weapon would slash,
If onto the lines of my friends I could hitch,
If I forged on ahead ever stronger and brash,
If the foe to my power his defences would ditch,

If my bosom were pierced by searing lead,
If an enemy slug in my heart would embed,
And if death would not let me arise from the
ground,
If it pinned me down with a fist that's of iron—
I would deem it great joy in pitched combat to fall.
I the death of the hero in battle extol.
Workers, friends, take a rifle and march to the
front!
For your freedom, your life, if need be, sacrifice.

October 1919

Translated by Lydia Kmetyuk

ЕСЛИ НЕТ ТЕБЯ...

Пусть неистово ликуют
соловьи в саду весной –
Мир мне кажется унылым,
если нет тебя со мной!

Пусть шумят леса и травы,
буйно яблоня цветет,
Если нет моей любимой –
горек самый сладкий плод!

Пусть летают и резвятся
бабочки среди полей –
Грустно, если нет красивой,
легкой бабочки моей!

Даже ангелы и пери
для меня толпа теней –
Если нет со мной прекрасной
и единственной моей!

1920

IF YOU ARE NOT THERE...

Though mad nightingales their joying
to the springtime garden tell—
Will the world for me be joyless,
if you're not with me as well!

Though the woods and grasses rustle,
though the apple-tree blooms fair,
Still the sweetest fruit is bitter
if my loved one isn't there!

Though the butterflies are flitting
and disporting on the lea—
I'll be sad unless my pretty,
dainty butterfly's with me!

Even angels, even peris
are for me a host of shades—
If there's not with me my lovely,
my incomparable maid!

1920

Translated by Jessie Davies

ДУШЕ МОЕЙ

Чем тебе, душа, земля не приглянулась?
Почему так страстно к небу ты взметнулась?

Много ли чудес на небе встретить можно?
Все отринь ты, что поверхностно и ложно!

Увидав звезду лучистую, не думай,
Что и месяц тайно полон чистой думой.

Только издали спокойно солнце тоже–
На цветок оно лишь издали похоже.

Все едино на земле, на небосводе,–
Там и тут одна материя в природе.

Так вернись, душа, спустись на землю снова!
Где ни будешь ты–всему одна основа.

В небе не витай, земли верней жилище,
На земле одной ты сущее отыщешь!

Ты ищи смелей–и все найдешь. Но прежде
Укрепись, душа, в желанье и надежде.

1921

TO MY SOUL

How is it, my soul, you've found the earth
displeasing?
Why's it with such passion for the sky you're
yearning?

Do you think the heavens hold so many wonders?
All that's false and shallow from your conscience
sunder!

Do you think on seeing a starry light in heaven
That the moon in secret's full of purest wisdom?

It is from afar the sun appears unruffled,
Only from a distance that it looks a flower.

On this earth or in the heaven's superstructure
Matter's like and one, where'er you seek in
nature.
So back to earth, my soul, return with the
assurance
That both here and there all things are like in
essence!
From the sky descend, the earth's a surer
residence,
Only on the earth you'll find what is of
substance.

Seek and you shall find. But your determination
Reinforce, my soul. Then act on your ambition.

1921

Translated by Lydia Kmetyuk

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Дорогой праведной борьбы
Я шел, но не дошел до цели.
Горячей пулей нить судьбы
Порвать враги мои сумели...

В живое сердце бьет игла,
Кровь движется струей усталой.
Рубашка белою была,
Гляжу я – стала влажно-алой.

Я не скорблю. Мои друзья,
Клянусь в священной дружбе с вами!
Рубашка белая моя
Цветет кровавыми цветами...

Прошу, повесьте на ветлу
Ее, чтобы на всю округу
Она алела на ветру
На страх врагу
и в память другу!

1921 – 1923

BEFORE DEATH

The road of righteous struggle I tred,
To reach my goal I failed.
My foes have severed with a hot
Bullet the thread of fate...

My living heart a needle smites,
Blood runs in a weak jet.
I see my shirt that once was white
In scarlet now and wet.

I do not grieve. To you, my friends,
True friendship do I vow.
My shirt that once was snow-white blooms
With bloody flowers now.

Pray hang it on a willow bough
For everyone to view.
There let it blow to scare the foe
And remember me to you!

1921–1923

Translated by Dmitry Priyatkin

ВСПОМИНАЮ

1

Вспоминаю:
Ласковый вешний день,
Солнце смотрит на нас, смеясь с высоты,
И восторженно
нежные стебли льна,
Как кудрявые волосы, гладишь ты.
Растянувшись
на свежей «гусиной траве»,
Как гусята, нежились мы с тобой,
И журча-бормоча,
мимо нас торопясь,
Ручейки забавлялись
звонкой игрой.
Ручейкам не вечно кипеть-звенеть,
Протекут – убегут,
не вернутся вспять...
Снег прогоним,
зеленую встретим весну, –
Не привыкли мы понапрасну ждать!
Ручейкам,
я знаю,
не вечно течь,
Но пока не исчезли, бегут, шумны...
Так и юность наша
бежит, бурлит,
Развернув борьбу на полях весны.

* * *

Вспоминаю:
Прохладной вешней зарей
Мы на луг погнали стадо с тобой.

1

I remember:
A tender day of spring,
The laughing sun looks down on us
And rapturously you stroke,
Like curly hair,
the slender stems of flax.
Like goslings
we basked in the sun,
Stretched out on the fresh goose-grass.
And the springs rejoiced
loudly playing,
Purling, murmuring,
Hurrying, bubbling past.
But not forever shall they resound,
They will flow by
and never come back again...
We'll chase away the snow,
we'll greet green spring –
We're not accustomed to wait in vain!
Springs cannot,
I know,
ever flow,
But until they go
they joyfully sing...
So does our youth
seethe and speed,
Unfolding struggle in the fields of spring.

* * *

I remember:
It was a cool spring dawn,
We drove our flock into the meadow.

Ты с восторгом
травы молодой нарвала
И любимца-ягненка кормить начала.
Свежий ветер,
ласкавший пряди твои,
Стайку туч пригнал,
А чуть погодя
Брызнул ливень,–
и сразу на лицах у нас
Задрожали веселые капли дождя.
Первый дождь весенний...
Обычный дождь,–
Но как рады ему и сердца, и луга!
Это радость весны
на ресницах дрожит,
Превратясь в лучистые жемчуга,
Первый дождь –
он бывает лишь раз в году,
Но его пропустил – все равно не жалей:
Лишь бы бурно лились,
как весенний дождь,
Годы юности боевой твоей!..
Вспоминаю:
В зеленых объятьях весны
Соловьи ликовали
на ясной заре.
Очень-очень старательно
землю вскопав,
Посадила ты яблоньку во дворе.
Солнце в небе смеялось,
смеялась земля,
А сама смеялась ты больше всех,
Перед яблонькой
радостно прыгала ты,
И звенел, звенел твой крылатый смех.
«Пусть растет мое деревце,
пусть растет,
Много яблок спелых, красных даст!
Через несколько лет –

You plucked fresh grass
with sheer delight
And started feeding your favourite lamb.
A mischievous wind
that toyed with your locks
Drove a flock of clouds
And a little later
A shower began, merry raindrops
Immediately sprinkled our faces.
The first rain of spring...
an ordinary shower,
But how hearts and meadows rejoice!
Our eyelashes *tremble*
with springtime joy
That has turned into radiant pearls.
The first rain of spring
comes once in a year,
But to miss it is no cause for regret:
If the years of your militant youth
like spring rain,
you lavishly pour!...
I remember:
In the green embrace of spring
The nightingales
exulted at dawn.
You planted an apple-tree in the yard
After carefully
digging the ground.
The sun laughed,
the earth laughed,
You laughed even more and jumping there
Round your apple-tree
you joyfully sang,
Your laughter rang in the air.
"Let my apple-tree grow,
grow tall
And bear many red apples!
In a few years

приглашаю я—
Приходите яблоки рвать, друзья!..»
Чтобы яблоню вырастить,
нужен труд,
А поспеют яблоки лишь потом...
Ты за каждое дело
с надеждой бралась,
Ты огнем разгоралась
в труде любом!
Деревцам расти,
Деревцам цвести,
А плоды—только осенью будут они...
Так и юности нашей
багряный цвет
Даст плоды не сегодня—
В осенние дни.

2

У горячего солнца
в объятьях смеясь,
К нам сегодня снова
Пришла весна,
И лучами,
как ласковым взглядом твоим,
Гнали стадо мы на луга вдвоем.
Первый дождь—
он бывает в году лишь раз,
Потому и тревожит, и радует нас.
Так и юность:
бежит невозвратно она,
Впечатлений полна,
сожалений полна...

* * *

Подросли наши яблони.
Зреют плоды,
Чуть покачиваясь на тугом ветру,

You're welcome, friends,
To come pick the apples!..."
But it takes a great effort
to grow a tree,
And only afterwards will apples ripen.
Hopefully
you set about every task,
And in any task
like fire you blaze!
Saplings will grow,
Trees will bloom
To bear fruit only in autumn...
So it is with the blossom
of our youth
Which only in autumn
Bears fruit.

2

Laughing
in the warm embrace of the sun,
Spring has come
With its lovely days,
And together we drove the flock
to the meadow
In sunlight as caressing as your gaze.
The first rain –
it comes only once a year –
Disturbs us and gladdens us.
So our youth,
like last year's leaf,
Cannot return
with its joy and grief...

* * *

Our apple-trees have grown.
The fruit is ripe,
Swaying a little in the wind at dawning.

И на деревце —
                    том, что сажала ты,—
Соловьи, как и прежде, поют поутру.
Посадила ты яблоньку, берегла,
Но до яблок
                    так и не дожила,
Потому-то, наверно, в душе и горишь,
Словно яблоневый цветок — светла.
Будут яблони цвесть,
                    будут яблоки зреть,
Озаренные летним, горячим днем...
                    Жизнь моя коротка —
                    Пролетит в борьбе.
Не увидеться нам,
                    но спасибо тебе:
Ты меня взрастила в саду своем!..

11 февраля 1928. Москва

And on the tree –
                        the one you planted –
The nightingales sing, as before, in the morning.
You planted the tree
                        but you didn't
Live the apples to see.
And that is why, like apple blossom,
You will shine in me.
The trees will bloom
                        and apples ripen,
Drinking heat and light from the sun's cup...
My life is short,
To be spent in struggle.
We'll not meet again
                        yet I thank you:
It was in your apple-orchard I grew up.

11 February 1928. Moscow

Translated by Dmitry Pryatkin

* * *

Мы сквозь ресницы все еще смеемся,
Друг другу глядя в жаркие зрачки,
Друг друга любим, но не признаемся
В любви своей. Какие чудаки!

Я все еще влюбленными глазами
Твой взгляд ловлю, слежу твои мечты.
Меня испепеляет это пламя.
Скажи по совести: как терпишь ты?

Лишь гляну я, и, верно, из кокетства
Ты неприметно мне грозишь в ответ.
Ну и шалунья, ну и молодец ты!
Будь счастлива, живи сто тысяч лет!

– Ну как дела твои, Муса?
–Чудесно!–
Отвечу я, и кончен разговор.
Лишь говорят глаза, что сердцу тесно,
Что мы лишились речи с неких пор.

Твой взгляд, как дождь в засушливое лето.
Твой взгляд, как солнце в пасмурный денек.
Твой взгляд – веселый вешний праздник света.
Лишь глянешь ты, и я не одинок.

Твои ресницы... Ох, твои ресницы!–
Густая туча раскаленных стрел!
Твои зрачки мерцают, как зарницы...
Я, попросту сказать, пропал, сгорел.

* * *

We laugh still at each other through our lashes,
We gaze still in each other's burning eyes,
We love each other, yet without unmasking
This love of ours. We are such oddities!

Now still I try, with gaze of loving passion,
To catch your glance, to plumb your secret
thoughts.
And all the time I'm burning down to ashes.
How long then, tell me, can you still hold out?

I look your way, and you, no doubt flirtatious,
With unobtrusive threats will answer me.
You lovely one, you rogue, o goodness gracious!
May you have length of years and lucky be!

"Now how're you doing, Mussa?"–
"I'm quite splendid!"
I answer, for our hearts are both quite numb,
Only our eyes can see why talking ended,
And why we for a while were stricken dumb.

Your gaze is rain in days of desiccation,
You gaze in days of gloom's a ray of sun,
Your gaze–a cheery springtime celebration,
You gaze at me and I'm no more alone.

And, *oh* your lashes, *oh* your lovely lashes!
Are like a cloud of burning, searing darts!
Your eyes are like the summer lightning flashing,
And I am simply lost and quite burnt out.

Как я тоскую по тебе! Как часто,
Сказав, что не приду, я приходил!
А вздумаю уйти – и шутишь! Баста! –
С тобой расстаться не хватает сил.

Как сладостно и с каждой встречей ново
Тайком любить, любимым быть тайком!
Но бушеванье сердца молодого
Надолго ли?.. Что знаешь ты о нем!

1931 – 1932

How very much I long for you, how often,
I've vowed to stay away, but could not stay!
You would just laugh "Enough!" and I would soften –
Deprived of all desire to keep away.

How sweet it is – with every moment sweeter,
To love in secret, loved be secretly!
But can this youthful heart so wildly beating
Bear this for long?... of this what can you say?

1931–1932

Translated by Jessie Davies

НАША ЛЮБОВЬ

Помнится, была весьма забавной
Наша комсомольская любовь.
Члены волостного комитета,
Ехали на съезд мы.
Вижу вновь
Красный тот вагон и пар морозный...
Мы укрылись шубою одной.
Черт возьми, тогда-то показалась
Ты, ей-богу, близкой мне, родной.
Было то в крутом году – в двадцатом.
Кто из нас не помнит той зимы?..
Тут же ты картошки наварила,
Из одной тарелки ели мы.
Помню, как мы весело смеялись,
Словно закадычные друзья.
Целовались иль не целовались –
Этого никак не вспомню я.
Резкий ветер дул из каждой щели,
Забирался и за воротник.
Ты о коммунизме говорила,
Что из головы, а что из книг...
– Тяжело еще пока живется,
Трудною дорогою идем.
Но победы все-таки добьемся,
Вот увидишь – заживем потом!
Коммунизм – великая эпоха,
Счастье человечества всего.
Мы с тобой увидим непременно
Ленинской идеи торжество.
Пусть нам нелегко, ты говорила,
Одолеет все рабочий класс.
Этому учил и Маркс когда-то,

OUR LOVE

I imagine it was quite amusing
Our puppy YCLer crush.
Members of one regional committee,
To the congress we were being rushed.
I recall
The train in clouds of vapour
And us freezing under one fur coat.
Drat it all, that's when I got the notion
I loved you. I swear I was that smote.
It was in the bleak year Nineteen Twenty,
When the cold and famine took a toll.
In a thrice you had potatoes cooking,
When we ate, we even shared a bowl.
I remember we were always laughing,
Like old friends who've been around a lot.
Now, I wonder, was there any kissing?
That is something I have clean forgot.
Through each crack the gusts of wind blew icy,
Penetrating into all the nooks.
You were talking about communism,
What you thought and what you'd read in books...
"Our life as yet is fraught with hardships,
So's the road ahead we all foresee,
But no matter what, I know we'll conquer,
Then we're going to live, you wait and see!
Communism means happiness and greatness,
For with it the world is born anew.
I am sure that both of us will witness
All of Lenin's great ideas come true.
Does it matter that today we suffer?
Soon the workers' class will have its way.
That's what Marx bequeathed to generations,

Этому и Ленин учит нас.
И стучавший в дверь вагона ветер,
И метель за ледяным окном
Звали нас к борьбе неутомимой,
Как и ты, твердили об одном.
В это время нашим фронтом были
Битвы против бунтов кулака,
Были штабом той борьбы великой
И райком, и грозное Чека.
Помню, ты на съезде выступала
С гневной речью против кулаков,
Защищала яростно комбеды,—
Ты была душою бедняков.
А когда домой мы возвращались,
Ты, устав, ко мне прижалась вновь.
До чего ж тогда была смешною
Наша комсомольская любовь!
Волосы моей щеки касались...
Все точь-в-точь, как было в первый раз.
Целовались иль не целовались—
Точно уж не помню я сейчас...
Времени прошло с тех пор немало.
Светлые сбываются мечты:
Строим мы ту жизнь для человека,
О которой говорила ты.
К ней, моя хорошая, идем мы,
Трудной закаленные борьбой.
В той борьбе очистили сердца мы,
В ней и ум оттачиваем свой.
Поровну тепло и хлеб делили
Мы с тобою в пору той зимы.
И друг друга и страну любили
Настоящею любовью мы.

1932

That's what Lenin teaches us today."
And the blast outside the carriage window,
And the snowstorm raging at its door,
Kept repeating all that you had spoken,
Urging us in battle to the fore.
At the time we fought our heaviest battles
With the anarchy of the kulaks.
Headquarters for us were our committee
And the awe-inspiring Cheka.
I recall you speaking at the congress.
You condemned the crimes of the kulaks.
How you championed the Poor committees!
You were the support of the have-nots.
Then, again, as home we were returning
You leaned closer to me in the hush.
I imagine it was very funny,
Our youthful YCLer crush!
On my cheek I felt your soft hair brushing
Like the first time, to the very dot...
Now, I wonder, was there any kissing?
That is something that I've plain forgot.
Years have passed since that eventful winter,
We've seen confirmation of our hopes.
For the people we are busy building
That same happy life of which you spoke.
To that life, my dearest, we're advancing
Weathered both in body and in mind.
We have cleansed our souls in endless struggle,
In it, we are seasoning our minds.
In the days of that severe winter,
Every bit of bread and warmth we shared,
And we loved each other and our country
With a love as fair as it was square!

1932

Translated by Lydia Kmetyuk

* * *

Года, года...
Придя ко мне, всегда
Меня руками гладили своими.
Вы с мягким снегом шли ко мне, года,
Чтоб стали волосы мои седыми.

Чертили вы морщинами свой след.
Их сеть мой лоб избороздила вскоре,
Чтоб я числом тех знаков и примет
Считал минувшей молодости зори.

Я не в обиде.
                    Молодости пыл
Я отдал дням, что в битвах закалялись.
Я созидал, и труд мне сладок был,
И замыслы мои осуществлялись.

Как вдохновенно трудится народ,
Социализма воздвигая зданье!
Я знаю: камнем жизнь моя войдет
И прочно ляжет в основанье.

1934

* * *

When you came to me, years,
You stroked my head lightly,
With your snow you came, years,
For my hair to grow white.

You marked your way with furrows,
Their net is on my brow.
In them the day of my youth
I am counting now.

I'm unhurt.
I gave my ardour
To my battle-tempered youth.
I created. Sweet was my labour,
And my dreams were coming true.

With industrious inspiration
Socialism we create
And my life of rock will
Its solid basis make.

1934

Translated by Dmitry Priyatkin

ЗАЙТУНЕ

Если вернешься на берег Демы,
Где тополя шелестят на ветру,
Тихо пройди луговиной знакомой,—
Там я недавно бродил поутру.

Ты в камышах у прибрежной тропинки
Слышишь ли сердца влюбленного дрожь?..
В воду войдешь ты, стройнее тростинки,
Робко оглянешься и поплывешь.

Я не вернусь на тихую Дему,
Молодости воротить не могу,
Но, устремляясь мечтой к былому,
Сердце гостит на твоем берегу.

Здесь я увидел тебя впервые,
И разгорелся огонь в крови,
Здесь я изведал дни грозовые—
Счастье и муку первой любви.

Деме вверял я мои печали.
Как мне сочувствовала она!
Волны участливо мне отвечали,
Сердце мое понимая до дна.

Другом заветным считал я Дему,
Чуткие, светлые волны ее,
И никому, никому другому
Не доверялось сердце мое.

Помню, как мне по ночам весенним
Дема внимала, забыв покой,

TO ZAITUNA

Should you go to the banks of the Dyoma,
Where the poplars sigh, wind-torn,
Take the field path we both knew there,
Where we walked one recent morn.

Will you hear, where the rushes quiver,
The throb of a heart full of love?...
Reed-slim, you'll then glide in the river,
Gaze timidly round and swim off.

The Dyoma I'll no more visit,
For my youth will return no more,
But, the dreams of my past re-living,
My heart's on your quiet shore.

It was here that I first perceived you,
And the hot blood filled my veins,
Here I tasted the days of grieving,
Early love with its joys and pains.

To the Dyoma my pains I confided,
And it answered so tenderly!
Its waves in concern replying,
Such compassion they felt for me.

It was my beloved friend,
Its waves imbibing light.
To no one else ever did I
My loving heart's dreams confide.

I recall how on springtime evenings
The Dyoma gave ear to me,

Как волновалась моим волненьем,
Как тосковала моей тоской.

Дема на волнах меня качала,
С нею мечталось мне горячей.
Молодость, жизни моей начало,
Я безоглядно оставил ей.

Даже теперь я втайне страдаю.
Как мне задумчивой Демы жаль!
Где-то на Деме – любовь молодая,
Где-то на Деме – моя печаль!

Девушка с Демы! Пусть мы расстались,
Верь, что любовь моя глубока.
Помни о ней, живи, не печалясь,
Как голубая Дема-река.

Свежий рассвет любви нашей ранней
Издали чудится сном наяву.
Очарованьем воспоминаний
Тайно любуясь, тайно живу.

Вспомни тропинку нашу былую,
К Деме одна спустись в тишине,
Цветик прибрежный сорви, целуя,
С ласковой думою обо мне.

1935

How it grieved with me in my grieving,
And repined for my misery.

It rooked me upon its billows,
Made my dreams more ardent glow,
And my adolescence callow
I alone on it bestowed.

Even now I in secret languish,
And I long for its pensive wave,
For somewhere there lies my anguish
And somewhere there – my young love.

O, maiden from the Dyoma!
Though we parted, my love was true,
Live in peace but still remember
The Dyoma's azure blue.

Like a waking dream from the distance,
The dawn of our love I see.
And recalling each charmed instant,
Live and marvel secretly.

O, remember that pathway of ours;
Go alone to the Dyoma's peace,
Pluck and kiss there a wayside flower,
With a tender thought for me.

1935

Translated by Jessie Davies

СЛЕДЫ ЛЫЖ

Всюду лыжни. Снег уж тает
Постепенно.
Прилетел и сел на тополь
Грач степенный.
Кто из нас двоих бездельник—
Неизвестно.
Дети бегают. Мы смотрим.
Интересно:
Что за ровные полоски
Чертят лыжи?
А весна уже подходит
Ближе, ближе.

Этот снег как будто чистый
Лист бумаги.
Лыжи пишут, лыжи чертят
Букв зигзаги.
На снегу Равиль выводит
Домик детский,
А Камиль—стихотворенье
По-немецки.
Тут и клятва пионеров,
Стих и проза.
«Дважды девять—восемнадцать»,—
Пишет Роза.

Я по-своему читаю
Эту запись:
Новых радостных соцветий
Вижу завязь.
Будет труд для молодежи
Делом чести.

SKI TRACKS IN THE SNOW

Tracks made by skis Snow all over
Is melting slowly
A rook has perched upon a poplar
Sedate and solemn.
Who of us is the greater idler?
Well, I wonder.
Children run about. We goggle
It's a wonder
What precise and even parallels
The skis are drawing.
Closer, closer, Spring is coming
Spring is coming

The snow is smoothly clean and shining
Like a paper.
The skis are sketching, they are writing
Zigzag letters.
On the snow *Ravil* is drawing
Pretty houses,
While Kamil is busy scrawling
German verses.
There's the pioneer's vow and also
Prose and stanzas.
Nine times two will make eighteen,
Reckons Rosa.

I discern a hidden meaning
In those writings:
It holds a promise for the future
That's exciting.
Work will be a thing of honour
For those youngsters.

И трудиться, и бороться
Будут вместе.
Смерть врагу, а другу дружба!
Все знакомо.
Я и сам вовек не думал
По-иному.

Ну, а грач? Он смотрит молча
И дивится,
Ничего не понимает,-
Он ведь птица.
Грач обиделся и каркнул,
Стал сердитым.
Полетел к пятнистой горке
И сидит там.
Что же я стою на горке,
Одинокий?
Нет, следы от лыж впишу я
В эти строки!

1935

In their battles and at labour
They'll stand united.
Death to foes, to friends—our friendship!
That's familiar.
I have always thought in terms that
Are quite similar.

What about the rook? He's quiet
As he ponders.
But he's just a bird. How can he
Grasp such wonders.
He gets sore and sets to cawing.
Feeling nettled,
Flies off to the scraggy hillock.
There he settles.
Why do I stand on this hillock
Feeling lonesome?
Not at all. I'll include those ski tracks
In my poems.

1935

Translated by Lydia Kmetyuk

ЛАТИФЕ

Заря близка, а мы еще вдвоем,
Все шепчемся о тайном, о своем.
Ты бьющееся сердце озаряла,
Светясь, как месяц, в сумраке ночном.

Рассвет расцвел, тебя уж рядом нет,
И губы жжет прощальный твой привет.
Как месяц, что под утро исчезает,
Ушла и ты, невесть куда, мой свет...

А солнца луч уже спешит в окно.
Я одинок, в душе моей темно.
Я одинок, я по тебе тоскую,
И сердце ожиданья полно.

Зачем пришло ты, солнце? Разве ты
Моей не видишь горькой маеты?
Зачем мою луну ты погасило,
Сорвав завесу милой темноты?

Зачем так быстро эта ночь прошла?
Зачем заря так рано день зажгла?
Куда исчезла Латифа родная,
Чья нежность так отрадна и светла?

О, если б ты могла, мой друг, ясней
Читать в душе и знать, что скрыто в ней!..
Мне наш последний вечер показался
Последней песней юности моей.

Последний вечер памятного дня
Вобрал весь жар душевного огня,

TO LATIFA

We are together still though dawn is nigh,
And with our whispered thoughts each other ply.
You've set my madly beating heart a-shimmer,
And through night's shade shine like the moon
on high.

The dawn has blossomed and you're no more here,
Your farewell kisses still my hot lips sear.
Like to the moon at morning disappearing,
You went away, my light, I know not where.

A sunray straightway through the window darts,
Lonely am I, and in my soul it's dark.
Lonely am I, for you alone I'm longing,
And full of expectation is my heart.

Why have you come, o sun? And could you not
Perceive the harshness of my cruel lot?
Why suddenly, o moon, were you extinguished,
Tearing away the veil the dark begot?

Why has this night so quickly sped away?
And why did dawn so soon light up the day?
Where has my own sweet Latifa made off to,
Whose tenderness so radiant was and gay?

O friend of mine, if only you could read
Deep in my heart and learn what lies there hid!
For our last evening gave me the impression
That of my youth the final song I'd heard.

The final evening of that precious day,
The whole fire of my soul brought into play,

Как будто молодость моя живая
С тобой навек покинула меня.

Душа не верит горестной судьбе,
Я весь горю, я изнемог в борьбе,
Приходит вечер – я тобою полон,
А рассветет – тоскую по тебе.

Нет, не забыть мне, видно, милый друг,
Прикосновенья теплых, нежных рук.
И теплится во мне неугасимо
Тоска глухая – спутница разлук.

Уносит годы времени поток...
Покамест жизни не увял цветок,
О, если б мне увидеться с тобою,
Чтоб допылать, чтоб долюбить я мог!

Хотел бы я прильнуть к устам родным,
К твоим губам, горячим и хмельным,
А там – хоть смерть!.. Пускай умру я
с песней,
Испепеленный пламенем твоим.

1936

It seemed as though my heart there palpitating,
Left me forever as you went away.

The soul deems not misfortune to be right,
I glow with fire, I wearied in the fight,
I'm full of you when evening is approaching,
And longing for you still when dawn's alight.

No, dear, it seems I never could forget,
How warmly, tenderly our fingers met,
And in me burns and cannot be extinguished
That comrade of all partings–mute regret.

The ages bear the stream of time away...
Before the blooming flower of life shall fade,
O, would I could behold you one more instant,
To burn with passion and to love again!

O, how I long to those dear lips to cling,
Your lips that hot intoxication bring,
Though there I died!.. I'd with a song have ended,
And in your torrid flame have ceased to sing.

1936

Translated by Jessie Davies

ОДИНОКИЙ КОСТЕР

Ночной простор.
Я жгу костер.
Вокруг туман, как море...
Я одинок
простой челнок,
Затерянный в просторе.
Горит бурьян.
В густой туман
Он мечет сноп огнистый,
И смутный свет,
минутный след,
Дрожит в пустыне мглистой...
То красный блеск,
то яркий всплеск
Прорежет вдруг потемки.
То погрущу,
то посвищу,
То запою негромко...

Огонь, светящийся во мгле,
Заметят ли, найдут ли?
На звук, летящий по земле,
Ответят ли, придут ли?

1936

THE LONE BONFIRE

Around it's night.
A fire I light.
The fog goes on forever...
Alone as well –
a cockle shell,
I'm lost in misty weather.
The tall weeds blaze.
Amid the haze
Their sparks rise up in showers,
A feeble light
one instant bright,
Above the dark waste towers...
A scarlet flash,
a vivid splash
Go through the darkness zooming.
At first I'm sad,
then whistle loud
And next I just start humming...

This light through darkness shining round,
Will it be seen, discovered?
Will I from sound along the ground
Be signalled and discovered?

1936

Translated by Jessie Davies

МАЙ

Ночь нас одарила первым теплым ливнем,
Он унес последний холод с мраком
зимним,
Вся земля покрылась пестрыми коврами,
Бархатной травою, яркими цветами.

Белая береза распахнула почки:
Не стоять же голой в майские денечки!
Босиком помчались мы под ветром мая.
Растянись на солнце, грейся, загорая!

1936

MAY

In the night there came the season's first warm
shower
That has swept away the gloom and cold of winter.
With a brilliant carpet all the Earth is covered –
Smoothly velvet grass and multi-coloured flowers.

The sweet birch has put on gossamer green
raiments.
The idea of standing stripped and stark in
Maytime!
Joyously we race the winds of May barefooted,
Then lie stretched and basking in the rays of
sunshine.

1936

Translated by Lydia Kmetyuk

ВОЛНЫ

(Из «Девушки-рыбачки»)

Волны, волны, скажите,
Куда порываетесь вы?
Бьясь о берег высокий,
Чего добиваетесь вы?
Волны, волны!

Для чего вам куда-то
Стремиться, шуметь и кипеть?
Будто в небо хотите
Вы стаей гусиной взлететь,
Волны, волны!

Я ведь вас понимаю,
Я верю, бурливые, вам,
Ваши вечные страсти
Подобны и нашим страстям,
Волны, волны!

Не стихает ваш рокот
Ни днем, ни в полночной тиши,
Ваш порыв – словно пламя
Страдающей, гордой души,
Волны, волны!

Смел и молод мой парень,
Он вдаль свою лодку ведет –
Колыхаясь, качаясь,
В объятиях ваших плывет,
Волны, волны!

С милым другом расставшис
Гляжу на бурливы и прил

WAVES

(From "The Fisher-Girl")

Waves, o waves of the sea, tell me if
There is something you're striving to gain,
As you beat on the towering cliff,
Tell me what, then, you hope to attain,
Waves, o waves!

And oh why must you, tell me, oh why
Must you hurtle and bubble and sing,
As though you would reach for the sky
Like a skein of wild geese on the wing?
Waves, o waves!

Yet to me it's as clear as can be,
And I trust you, oh turbulent waves,
For your passions unending, you see,
Are the same as we humans, too, have.
Waves, o waves!

Never ending your thunderous tones,
Never silent by day or by night,
Like some proud soul in torment you moan
As you plunge ever on in your flight.
Waves, o waves!

Now, my laddie is brave and he's young,
And he pilots his vessel afar.
And he's buffeted, shaken and flung,
Up and down as he sails in your arms.
Waves, o waves!

As I see off the friend that I love,
I gaze at the rising tide's might,

5-198

Буду ждать, буду верить:
Вернется он, вас победив,
Волны, волны!

Он души моей пламя,
Он радость и свет моих глаз,
Богатырь мой любимый,
Могучий, похожий на вас,
Волны, волны!

Апрель 1936

For here shall I wait and believe
He'll return having conquered you quite.
Waves, o waves!

For he is the flame in my breast,
He's my joy, of my eyes he's the light,
Of all the brave heroes the best,
And like you in his power and might,
Waves, o waves!

April 1936

Translated by Jessie Davies

РОДНИК

Как по долине льющийся родник,
В дороге пел я песни то и дело.
И все казалось сердцу, что от них
Земля вокруг цвела и молодела.

Не иссушила в зной меня жара,
Не застудили вьюжные погоды,
И в песнях чистый голос серебра
Летел к друзьям, осиливая годы.

Как путник ловит влажную струю
Губами, пересохшими от жажды,
Так песню задушевную мою
Друзья ловили сердцем не однажды.

Родник и ночью отражает свет,–
Так я светил вам, жил я с вами рядом
И пел друзьям о радости побед,
Пел о любви, что обжигает взглядом.

Как соловей на берег родника
Приходит, чтоб испить воды приветной,
Так ты ко мне, красива и легка,
Мой соловей, приходишь в час
рассветный.

Не скрою я, что ты в моей судьбе
Всегда большое место занимала.
И самые нежнейшие тебе
Дарил я песни–и дарил немало.

Когда пройдет, как песня, жизнь моя,
Когда замолкну, близких покидая,

Like to a spring that gushes in the glade,
My songs I've sung, along the roadway going,
And every time, I seemed to think, they made
The land around me blossom, younger growing.

I never shrivelled in the torrid zones,
Nor frozen was by icy blizzards' blowing,
The songs I sang in clear and dulcet tones,
Flew to my friends, time's ravages subduing.

Just as the journeyer with thirst-parched lips,
Will gladly of a fresh stream be partaking,
So do my friends my soulful lyrics sip,
Not once but many times their spirits slaking.

Just as at night will light come from a spring,
So have I shed my radiance, living near you,
Of conquests' pleasures to my friends I sing
And of a love whose passion burns and sears you.

As to the spring the nightingale repairs,
To quaff its welcome waters, thirst there slaking,
So you, my nightingale, so light and fair,
Come down to me, just as the dawn is breaking.

I'll not conceal the fact that in my fate,
You always held a greater place than any,
To you my best songs I would dedicate,
Not just a few of them, but many, many.

And when my life, just like my song, shall cease,
When I fall silent, from my dear ones severed,

Don't think, my friends, that I am just deceased,
I'll in the hearts of millions live forever.

Within the earth a spring can't be entombed,
For it will ever strive to be an ocean's ripple,
And so, my friends, I'll always smile on you,
And sing my songs for you, beloved people.

1937

Translated by Jessie Davies

Не думайте, что умер я, друзья,–
В сердцах мильонов буду жить всегда

Родник в земле похоронить нельзя,
Частицей станет он морской стихии.
Я буду улыбаться вам, друзья,
И петь вам буду, люди дорогие!

1937

Don't think, my friends, that I am just deceased,
I'll in the hearts of millions live forever.

Within the earth a spring can't be entombed,
For it will ever strive to be an ocean's ripple,
And so, my friends, I'll always smile on you,
And sing my songs for you, beloved people.

1937

Translated by Jessie Davies

АМИНЕ

Полно, умница моя, перестань.
Пустяками чистых чувств не мути.
Разве точат на попутчика нож?
А ведь нам с тобой идти да идти!

Если предан я тебе всей душой,
Буду верен до последнего дня.
Мне и горько и досадно, что ты
Недоверчиво глядишь на меня.

Раз не знаю я вины за собой,
Подсудимого обидна скамья.
Обвинения твои – пустяки,
Дорогой ты мой неправый судья!

1937

TO AMINA

That will do, my pretty sage. Please, no more.
With such trifles pure affection don't mar.
You'd not strike a fellow traveller, would you?
You and I—our road runs far, very far.

I am loyal to you with all my heart,
I'll be true to you till dust turns to dust.
Do you want to make me bitter and sore
When I see you look at me with distrust?

Since I know that I've committed no crime,
Just the thought of trial and sentence seems
unfair:
All your dreadful charges don't mean a thing,
So my dear, my biased judge, please forebear!

1937

Translated by Lydia Kmetyuk

ДОЖДЬ

Темнеют облаков седины.
День меркнет, и не без причины:
Дождь близок. Синевой тумана
Оделись дальние вершины.

Повеял ветер. Травы луга
Склонились, будто от испуга,
И озеро покрылось рябью,
Целуют камыши друг друга.

Вдруг гром раздался. И вначале
Две капли на лицо упали,
Затем дождь хлынул как из ведер,
Затушевав собою дали.

Зеленый дол вздохнул глубоко.
Возник на склоне шум потока.
И пьет дождинки лен счастливый,
Поднявший голову высоко.

Но вот промчался дождь крылатый,
Влача туман голубоватый.
Торопится к полям соседним—
Пусть будет урожай богатый.

И солнце вспыхнуло, ликуя,
Лучами землю атакуя.
Смотрю вокруг с открытым сердцем
И наглядеться не могу я.

THE RAIN

The sullen sky is dark and clouded,
And daylight seems to shrink and cower...
It'll rain. A bluish fog has shrouded
The distance where the summits tower.

A wind springs up. In apprehension
The meadow grasses bow and flutter.
The lake is stirred by undulation,
The rushes clasp and kiss each other.

A clap of thunder. Then two droplets
Splash on my face all of a sudden
The downpour comes in streaming torrents
That blot from view the far horizon.

The rolling valley sighs delighted
While downhill trilling streams come romping.
A field of flax, its head uptilted,
Feels happy soaking up the raindrops.

The winged rain has rushed on further,
It's gone, the cloudbank trailing bluish.
It's sped to nearby fields and pastures
To see the harvest will be lavish.

The sun's lit up with radiant splendour
Assailing the good Earth with ardour.
With heart that brims with love and candour,
I gaze with never-ending wonder.

Жизнь, как природа:
в ней тревога
Нас омрачит порой немного.
Пройдет гроза — и вновь надежду
Дарит нам светлая дорога.

1937

Life is like nature: consternation
Seeks to waylay you at some juncture.
The storm once over, expectation
Is soon rekindled in the future.

1937

Translated by Lydia Kmetyuk

ОСЕНЬ

О твоем возвращенье прослышав,
На дорогу я вышел с утра,
Первый иней белеет на крышах,
И долина полна серебра.

А березы, придя в огорченье,
Сняв зеленый наряд с головы,
Все пути твоего возвращенья
Замели желтизною листвы.

Солнце спряталось за облаками,
И не слышатся трели пичуг.
Гуси дикие за вожаками
Потянулись печально на юг.

Лес безмолвен. На просеках пусто.
Нынче холод у ветра в чести.
Нет, не может он теплые чувства,
Словно зелень листвы, унести.

Нет, не может сверкающий иней,
Словно на поле, на сердце лечь,
Если сердце пылает поныне,
Как ты, осень, ему ни перечь.

Дует ветер неласковый, стылый,
Но мурашки на коже не в счет.
Коль в душе рядом с образом милой
И весеннее солнце живет.

Ожиданьем сердечным томимый,
Я за дымкой продрогнувших дней

AUTUMN

When I heard of your approaching,
I the roadway at morning sought,
With the first frost the rooftops coating,
And the valley in silver wrought.

Down their verdant headgear throwing,
The birch trees mutely grieve,
And the roadway where you're going
Cover with yellow leaves.

The sun in the clouds is hiding,
The bird trills no more sound,
And skeins of geese go flying
Mournfully southward bound.

Silent the wood, untrodden,
And wind with the cold holds sway,
But it cannot quench my ardour
As it strips the verdure away.

Nor can the hoar-frost's dazzle
Touch the heart as it does the glade.
If one's heart is still brightly blazing,
By this autumn it can't be stayed.

Though a chill, cold wind be blowing,
What harm if you're shivering?
With your loved one's image glowing
There in your heart it's spring.

Wearied with heartache's burning,
Through the chill day's hazy smoke,

I see my love returning,
And the white geese winging back.

Though the storm clouds like grey shades lower,
And gather above my head,
I see Maytime and lilac flowers
And the valleys in verdure clad.

For my heart stays ever youthful,
Though the spring and the summer end,
Untouched by time, and joyful
We shall always be, my friends.

1937

Translated by Jessie Davies

Вижу вновь возвращенье любимой
И прилет белокрылых гусей.

И хоть тучи, как серые тени,
Собираются над головой,
Вижу май и цветенье сирени,
Вижу дол, что покрылся травой.

Даже в дни увяданья природы
В сердце чувствую молодость я.
Нет, не могут состарить нас годы,
Наша радость – навеки, друзья!

1937

I see my love returning,
And the white geese winging back.

Though the storm clouds like grey shades lower,
And gather above my head,
I see Maytime and lilac flowers
And the valleys in verdure clad.

For my heart stays ever youthful,
Though the spring and the summer end,
Untouched by time, and joyful
We shall always be, my friends.

1937

Translated by Jessie Davies

ПОСВЯЩЕНИЕ

О солнце, солнце! Есть ли кто-нибудь,
Кого ты обделило жаркой лаской?
Кто на припеке голым не лежал,
Надеясь бронзу превзойти окраской?
Чье только сердце твоему теплу
Всего себя навстречу не раскрыло?
Кого из нас по буйной голове
Отечески не гладило светило?

Ответь! Взращенные тобой цветы
Чья грудь к себе не прижимала нежно?
А сладость ягод, налитых тобой,
Чей жадный рот не смаковал прилежно?

Из всех влюбленных в солнце с детских лет
Кто-кто, а я не буду исключеньем:
Какую песню я б ни сочинил,
Она была тебе лишь посвященьем!
Минувшее – бессолнечно, темно.
С небес на землю солнце не сходило.
Тем, кто страдал и вечно голодал,
Уж не таким ты добрым другом было.
Ты, солнце, нашим не было тогда,
Не снисходило до окна подвала,
И сгорбленных немыслимым трудом
Твоя ладонь ни разу не ласкала.

О встрече и не думали... Стихи
Тебе писали робко, безнадежно,
Хоть взглядом перекинуться стремясь.
Но ведь и это было невозможно!

A DEDICATION

Oh brilliant Sun! Is there anyone
From whom you have withheld your bounteous ardour?
Who hasn't lain uncovered in your rays
In hope of rivalling sunny gold in colour?
Whose heart so uninspired it hasn't thrilled
With warmth to your unparalleled perfection?
Is there a madcap head the shining Orb
Has failed to pat with fatherly affection?

Oh say! Who hasn't pressed to tender heart
The flowers that your radiance embellished?
The sweetness of the berries you helped grow
Who hasn't tasted with a grateful relish?

Oh those who love the Sun from childhood on,
I certainly could not be an exception.
No matter what the song I write's about
To you it always is a dedication.
The past was gloomy and devoid of light
The Sun did not reach down to earth from heaven.
Those days you were not such a kindly friend
To homeless beggars and to starving have-nots.
Those days, oh Sun, you didn't belong to us.
You'd not stoop down to glance into the cellar,
And never did your glowing beams caress
The wretches bowed by unremitting labour.

Without the barest hope of meeting you,
We wrote our poems in comfortless dejection.
Oh, if a glance we could have once exchanged...
But even that was quite out of the question.

И вот сейчас ты — наше навсегда.
Мы, люди, на тебя имеем право.
Мы — вольные сограждане твои,
Мы — солнечная мощная держава!

По порученью жителей земли
Я ныне посвящаю песню эту,
О вечно ясноликое, тебе
И твоему немеркнущему свету.

1935 – 1937

But now we, people, have a right to you.
From hereon you belong to us forever.
We are your freeborn fellow citizens,
A mighty sunlit and dynamic Power.

On behalf of all the people of the world,
Oh gracious life-sustaining luminary,
I herewith dedicate this song
To you and your abiding glory.

1935-1937

Translated by Lydia Kmetyuk

Я ПОМНЮ

Как нежно при первом свиданье
Ты мне улыбнулась, я помню.
И как ты, в ответ на признанье,
Смутясь, отвернулась, я помню.

Меня ты покинула вскоре.
Отчаянье сердце прожгло мне.
Как часто я плакал от горя
В бессонные ночи – я помню.

Как сон, пронеслись те печали,
По давним приметам, я помню:
Любовь – холодна, горяча ли –
Не гаснет. Об этом я помню.

1938

REMEMBRANCE

How sweetly you smiled at our meeting,
That first time we met, I remember.
And you at my fond words retreating,
So bashful and shy, I remember.

Far away from me quickly you went then,
And despair burnt my heart down
to embers.
How often I wept and lamented,
How sleepless the nights, I remember.

Like a dream has that pain now departed,
But from tokens of old, I remember,
Though frigid it be or warm-hearted,
Love will never be quenched, I remember.

1938

Translated by Jessie Davies

ИВА

Ам

Возле нашего дома ива
Новой радуется весне.
Ухожу ли я, прихожу ли,
Научилась кланяться мне.

Как с работы приду, сажусь
В синеватой ее тени,
Каждый вечер здесь отдыхаю,
Где со мною цветы одни.

А порою в ее объятьях
Я стихи пишу допоздна,
И задумчиво голову клонит
Над моей тетрадью она.

Вот пронесся весенний ветер,
Ветви ивы заколыхал,
И один листок, оторвавшись,
На стихотворенье упал.

Нет, увы, языка у ивы,–
Знать, она ветерка ждала
И с листочком этим упавшим
Мне привет свой передала.

* * *

Дорогая подруга далеко,
И гляжу я в сторонку ту

THE WILLOW

to Amina

Near our home there's a willow growing,
She's so happy the Spring is here.
When I come in, or when I'm going,
She bows her greeting to me.

When I'm back home from my work I settle
In the bluishness of her shade.
Every evening I love to rest here
'Midst the flowers' sweet cascade.

By her willowy arms encircled
All too often my poems I rhyme,
At such times in meditation
To my notes her head she inclines.

When the willow was set in motion
By a gust of the springtime breeze,
One light leaf that had come asunder
Found the lines of my poem with ease.

Willows, alas, have no means of talking,
So she hoped that a wind would blow
And the leaf that she'd sent in greeting
Her affection clearly would show.

* * *

I keep glancing into the dim distance,
Where at present my love sojourns,

Всякий раз, как по милой-прекрасной
Чую снова тоску и мечту.

Если б с той стороны, с рассвета
Ветерок весенний подул,
Если б сердце моей любимой,
Пролетая, он всколыхнул,

Если б он, как листочек ивы,
Уронить предо мною мог
Письмецо от моей любимой,
Хоть бы пару ласковых строк,

Поняла бы душа, как нежен
Ясный взор любимой моей,
Как по дружбе ее тоскую,
Как соскучился я по ней.

* * *

Как в объятиях этой ивы,
В молчаливой ее тени,
Каждый вечер сил набираюсь,
Чтоб стремиться в новые дни,

Так у сердца моей любимой
Вдохновенье черпаю я,
Разгораюсь – и наполняюсь
Всеми силами бытия.

Чтоб, трудясь, борясь, побеждая,
Путь свой жизненный одолеть,
Дружба с нею, как свежий воздух,
Мне нужна и сейчас, и впредь.

Вот об этой любви и дружбе,
Что всего сильней и верней,
Написал я стихотворенье
Здесь, под сенью ивы моей.

Every time as in thought and remembrance
For her beauty and sweetness I yearn.

If a breeze from where it is morning
Would come drifting close to those parts,
If on its way as it passed my darling
It would stir the strings of her heart,

Or if en route it would drop before me,
Like the willow tree's weightless leaf,
From my sweetheart a tiny letter,
Just a line, no matter how brief,

Then my heart would again remember,
How unclouded and tender her gaze,
How I yearn for her gentle friendship,
How I've missed her throughout those days.

* * *

As in the shade of my own willow,
From the hush of its fond embrace,
Every evening strength I borrow
To forge through the oncoming days,

So from her who is my beloved,
From her love inspiration I draw,
With the joy of living I kindle,
Stamina and vitality draw.

So as to work, to fight and to conquer,
To traverse the life-span that's mine,
Like fresh air I need her friendship,
Need today and for all time.

'Tis to this, my great love and friendship,
Whose great trust and strength will not fade,
That I've ventured to write this poem,
Here, beneath the willow tree's shade.

* * *

Возле нашего дома ива
Новой радуется весне,
Полюбила меня, подружилась,
Научилась кланяться мне.

Март 1939. Казань

* * *

Near our home there's a willow growing,
She's so happy the spring is here,
She has come to love and respect me,
She bows her greeting to me.

March 1939. Kazan

Translated by Lydia Kmetyuk

ХАДИЕ

Как-то странно жизнь моя сложилась!
Огонечек тлел едва-едва.
Пылко полюбил я, всей душою,
А при встрече позабыл слова.

Как-то странно дружба завязалась!
Все в ней было: искренность и страсть.
Но два сильных, стойких человека,
Мы друг друга истерзали всласть.

И на всем запрет, везде опаска,
Молодое чувство не росло.
Да и юность пылкую с годами
Ветром мимолетным пронесло.

И стоишь, оглядываясь горько
На отрезок прошлого пути.
Кто же виноват, какая сила
Две души держала взаперти?

1936–1939

TO HADIYA

It was quite unusual, my life's story!
One small ember smouldered pale and weak.
Then for you it flamed into a passion,
But the words I sought I could not speak.

It was quite unusual, our friendship!
It was all sincerity and fire.
But two strongwilled people, for each other
To make hell of life we never tired.

All around – taboos and interdictions.
From the start our youthful love was crossed
As the years went by our breathless ardour
With the fleeting wind was gone and lost.

There we stand and glance behind with sorrow
At the span that's passed along with time.
Who's to blame, whatever were those forces
That had kept two loving hearts confined?

1936–1939

Translated by Lydia Kmetyuk

* * *

Синеглазая озорница,
Алогубая баловница,
Молодая радость моя,
Друг, по имени Хадия.
Не жеманница, не болтушка,
Как близка мне моя подружка!
Все гляжу я, не нагляжусь,
Даже сглазить ее боюсь.
Как окликну ее, замечу,
Так и рвется ко мне навстречу.
Бьется сердце мое в груди,
Мало места ему, поди...
От улыбки ее и взгляда
Забывается грусть-досада.
Я люблю ее всей душой,
Да и ей хорошо со мной.
Ей о дружбе всегда твержу я.
Но открою вам свой секрет:
Лишь любовью ее дышу я,
Без нее мне и жизни нет!

1936–1939

* * *

My blue-eyed mischievous darling,
My red-lipped mischievous darling,
My love, my joy ever young,
My happiness named Hadiya.
Not a flirting talker is she,
How near my friend is to me!
I keep looking at her and I
Sometimes fear an evil eye.
And when I hail her or greet her,
See how she longs to meet me.
And my heart beats in my chest
As though it lacks space...
When I see her smiling face,
I forget my rainy days.
I love her with all my heart,
Of my presence she is glad.
Our vow of friendship is true,
But to tell my secret to you:
Of love alone I breathe,
It's her love keeps me alive!

1936–1939

Translated by Dmitry Priyatkin

* * *

Бывают ночи – сны уходят прочь
И сердце непрестанно бьет тревогу.
Но знаю радостно – любая ночь
Уйдет, освободив заре дорогу.

Лишь время размотает свой клубок,
Растает мгла и силуэты горя.
Пошлет Венера мне лучей поток,
По небосводу разольются зори.

Идет заря, идет за ночью вслед,
Идет, как жизнь, в победном ореоле.
Я верю, что всего сильнее свет...
И крепко жизнь люблю не оттого ли?!

1936 – 1939

* * *

When I can't sleep no matter how I try,
My heart is torn unceasingly with sorrow,
I joy to think that every night will fly
Before the sunny daybreak of the morrow.

As soon as time uncoils its daily skein
The Morning Star will beam her rays upon us,
The gloomy shadows and the grief will wane
As brilliantly the Dawn lights up the heavens.

The sunrise follows on the heels of night.
As life it marches in unvanquished glory.
I know well there is nought to conquer Light...
That may be why I love this life so dearly!

1936–1939

Translated by Lydia Kmetyuk

7*

ИЗ ЛИРИЧЕСКИХ ОТРЫВКОВ

1

Шумя, пронесся *дождь*.
Светлеет небо.
Исчезло облако за краем гор.
А вся природа о дожде прошедшем
Еще полна рассказов до сих пор.
Друг друга догоняя,
с мокрых листьев
Серебряные капельки спешат,
И ястреб
в небо ясное
взмывает,
Прохладным ветром радостно дыша.
Ручьи поют-бегут
по всем дорогам,
И загустели волны спелой ржи,
И словно сразу стали зеленее
Растущие вдоль речки камыши.
Помолодели, улыбнулись розы,
Любуясь солнцем,
чистой синевой...
Гусенок ковыляет торопливо,
Чтоб искупаться в луже дождевой.

2

Шли через рощу мы, шли вместе, рядом!..
Смеялась, пела ты, резва и весела.
Но роща кончилась,
и разошлись дороги;
Сказала «будь здоров!» и руку подала.
Глаз не сводила ты с дороги уходящей,

The shower has sped away.
The sky is brightening.
The cloud has sunk behind the mountain range.
Yet Nature's still excited over the rainstorm
And telling stories that are wondrous strange.
The sparkling silver droplets
chase each other
To slip from off the branches and the leaves,
And soaring
high into the sky
delighted
The hawk inhales the cool and bracing breeze.
A streamlet runs and rings
on every pathway,
The swaying rye in fields looks so demur,
Along the riverside the whispering rushes
Have suddenly turned greener as it were.
The lovely roses smile and look the younger
For gazing at the clear blue firmament...
A gosling waddles to a rain-made puddle
To swim and romp to his little heart's content.

2

You were so gay, so joyous, singing, laughing,
As we walked through the copse together,
you and I.
The copse came to an end...
and there, our pathways parting,
You said, your hand in mine:
"I wish you luck, goodbye".
Not for a second did your eyes turn from the
highway,

Как будто поезд ждал
там, за холмом крутым...
Прощай, дружок, прощай!..
«Писать друг другу будем»,-
Пообещали мы,- ну что же, поглядим!..

3

Как любящий солнце яркий цветок,
Тебя я пламенно полюбил.
Знаю, однако, что я – не первый,
Многих твой взор пленил.
Солнце одно, а сколько цветов,
Любя, одаряет теплом своим!..
Пусть это верно,– и все же невольно
Ревную тебя к другим.
И если б не стало богатств иных,
И если б совсем опустела земля,
По-прежнему мы оставались бы двое:
Сиянье твое – и я.

4

Черна, угрюма ночь была. Измучась,
Я ждал тебя на берегу ручья.
Густой камыш, объят глубокой думой,
Пел неумолчно про тебя.
Уже в кустах защебетали птахи,
Волнуя озеро, повеял ветер,
Прорезалась заря...

5

Без всяких сомнений, без принуждений,
Тебя полюбив всей силой мечты,
Разве тебе я не отдал сердце,
Когда мне любовью ответила ты?

As though a waiting train
beckoned you to go.
"Farewell, dear Friend, farewell,
"We'll write each other, promise!"
We promised. Well, I wonder... Only time will
show!...

3

A flower that joys in the rays of the sun,
I've fallen madly in love with you.
Well though I know that I'm not the first –
Many your gaze has lured.
How many flowers the Sun, though alone,
Endows with the heat of its ardent rays!...
Be that as it may, yet I can't but own,
I'm jealous of all the rest.
And if the world's riches should cease to be,
If suddenly all things should perish and die,
As always the two of us still would remain:
The glory that's you ... and I.

4

The night was black and sombre. In a torment,
I waited for you by the river bank.
Unceasingly of you the teeming rushes
In reverie kept up a chant.
The birds had started singing in the bushes;
And as the breeze sent ripples o'er the lake
I saw the dawn come blushing...

5

I love you without second thoughts or prompting,
With all the compelling force of a dream,
Didn't I give you my heart without stinting
When love you returned for my love and esteem?

И разве скрывал я какую-то тайну
Иль что-то украл? В чем моя вина?
Поверь мне, подруга: все мои чувства
Тебе отдаю без остатка, сполна.

Пусть чистая дружба и нежность подарят
Нам счастье, которому нет границ!..
Пускай они в сердце развеют сомненья,
Осушат, прогонят слезы с ресниц!

1936 – 1939

Now is there anything I've been concealing?
In what have I sinned? Wherein lies my fault?
Believe me, to you I've entrusted my feelings,
Without reservations, once and for all.

May friendship and love that are pure and tender
Reward us with happiness and with good cheer.
And may they dispel in your heart all your trouble
And dry on your lashes the dreary tears!

1936–1939

Translated by Lydia Kmetyuk

ПРОЩАЙ, МОЯ УМНИЦА

Амине

Прощай, моя умница. Этот привет
Я с ветром тебе посылаю.
Я сердце тебе посылаю свое,
Где пламя не меркнет, пылая.

Я видел тебя, покидая Казань,
Кремлевские белые стены.
Казалось — с балкона ты машешь платком,
И облик твой гас постепенно.

Казалось, ты долго мне смотришь в лицо
Блестящим взволнованным взглядом.
И я, утешая тебя, целовал,
Как будто со мною ты рядом.

Родной мой дружок, я покинул тебя
С надеждой горячей и страстной.
Так буду сражаться, чтоб смело в глаза
Смотреть нашей ро[illegible] ной.

FAREWELL MY SWEET MAIDEN

to Amina

Farewell my sweet maiden. This greeting of mine
I send on the breeze to you flying,
This heart of mine also to you I consign,
Alight with a passion undying.

I gazed on you then as I went from Kazan,
Where the kremlin's white walls were a-shimmer,
You stood on the balcony waving your hand,
And then slowly your image grew dimmer.

It seemed that you looked me then straight in the face,
Through tears your emotion confiding,
And then to console you I gave you a kiss,
As though you were standing beside me.

From you I departed, my darling so dear,
With hopes full of ardour and passion,
To fight the good fight, that I might without fear,
Look straight in the eye my bright nation.

What joy it will give me to cuddle you tight,
The day I rejoin you, victorious,
For what could be better? But now I must fight
A war where the worst can befall us.

Farewell my sweet maiden! If ever my death
Should come from a wound that is fatal,
I vow that until I have drawn my last breath,
I'll gaze on your features unsated.

ПРОЩАЙ, МОЯ УМНИЦА

Алин

Прощай, моя умница. Этот привет
Я с ветром тебе посылаю.
Я сердце тебе посылаю свое,
Где пламя не меркнет, пылая.

Я видел тебя, покидая Казань,
Кремлевские белые стены,
Казалось – с балкона ты машешь платком,
И облик твой гас постепенно.

Казалось, ты долго мне смотришь в лицо
Блестящим взволнованным взглядом,
И я, утешая тебя, целовал,
Как будто со мною ты рядом.

Родной мой дружок, я покинул тебя
С надеждой горячей и страстной.
Так буду сражаться, чтоб смело в глаза
Смотреть нашей родине ясной.

Как радостно будет, с победой придя,
До боли обняться с тобою!
Что может быть лучше? Но я на войне,
Где может случиться любое.

Прощай, моя умница! Если судьба
Пошлет мне смертельную рану,
До самой последней минуты своей
Глядеть на лицо твое стану.

FAREWELL MY SWEET MAIDEN

to Amina

Farewell my sweet maiden. This greeting of mine
I send on the breeze to you flying,
This heart of mine also to you I consign,
Alight with a passion undying.

I gazed on you then as I went from Kazan,
Where the kremlin's white walls were a-shimmer,
You stood on the balcony waving your hand,
And then slowly your image grew dimmer.

It seemed that you looked me then straight in the face,
Through tears your emotion confiding,
And then to console you I gave you a kiss,
As though you were standing beside me.

From you I departed, my darling so dear,
With hopes full of ardour and passion,
To fight the good fight, that I might without fear,
Look straight in the eye my bright nation.

What joy it will give me to cuddle you tight,
The day I rejoin you, victorious,
For what could be better? But now I must fight
A war where the worst can befall us.

Farewell my sweet maiden! If ever my death
Should come from a wound that is fatal,
I vow that until I have drawn my last breath,
I'll gaze on your features unsated.

Прощай, моя умница! В смертный мой час,
Когда расставаться придется,
Душа, перед тем как угаснуть навек,
Сияньем былого зажжется.

В горячих объятьях утихнет озноб,
И я, словно воду живую,
Почувствую на помертвелых губах
Тепло твоего поцелуя.

И, глядя на звезды, по милым глазам
Смертельно томиться я стану,
И ветра ладони, как руки твои,
Прохладою лягут на рану.

И в сердце останется только любовь
К тебе и родимому краю,
И строки последние кровью своей
О ней напишу, умирая.

Чтоб нашего счастья врагам не отдать,
Тебя я покинул, родная...
Я – раненый – грудью вперед упаду,
Дорогу врагу преграждая.

Спокоен и радостен будет мой сон,
Коль жизнь подарю я Отчизне,
А сердце бессмертное в сердце твоем
Забьется, как билось при жизни.

Прощай, моя умница. Этот привет
Я с ветром тебе посылаю,
Я сердце тебе посылаю свое,
Где пламя не меркнет, пылая.

1941

Farewell my sweet maid! When the hour comes at last,
The moment when we two must sever,
My heart will glow bright as it did in the past,
Before it's extinguished forever.

My fever will calm in your ardent embrace,
I'll feel, like a crystal stream's healing,
The warmth on my lips that will come from your kiss,
My lips in death's pallor congealing.

And right to the death for your dear eyes I'll pine,
The stars in the heavens perusing,
And on my hot wounds will the breeze's palm lie,
As cool as your hand and as soothing.

Just you and my own native land will I then
Keep locked in my heart's deep recesses,
And, as I lie dying, for it will I pen
In my life's blood the last of my verses.

In order our happiness not to yield up,
I left you, my own, my dear darling...
I'll never retreat, and if wounded I'll drop,
The way of the enemy barring.

So peacefully, blissfully then will I rest,
If, my life for my native land given,
My heart shall eternally beat in your breast,
Pulsating as when I was living.

Farewell my sweet maiden. This greeting of mine
I send on the breeze to you flying,
This heart of mine also to you I consign,
Alight with a passion undying.

1941

Translated by Jessie Davies

НА ПАМЯТЬ ДРУГУ

Ты ушел в наряд, и сразу стало
Как-то очень грустно без тебя.
Ну, а ты взгрустнешь ли так о друге,
Коль наступит очередь моя?

Мы ведь столько пережили вместе,
Связанные дружбой фронтовой!
До конца бы нам не разлучаться,
До конца пройти бы нам с тобой!

А когда вернемся мы с победой
В наш родимый город—я и ты,
Сколько ждет нас радости и ласки,
Как нас встретят!.. Эх, мечты, мечты!

Были между жизнью мы и смертью
Столько дней!.. А сколько впереди?!
Станем ли о прошлом вспоминать мы?
Упадем ли с пулею в груди?

Если, послужив своей Отчизне,
Вечным сном засну в могиле я,
Загрустишь ли о поэте-друге,
По казанским улицам бродя?

Нам скрепили дружбу кровь и пламя.
Оттого так и крепка она!
Насмерть постоим мы друг за друга,
Если нам разлука суждена.

TO A FRIEND

With your group you went. I noted sadly
How it dreary grew without you here.
Do you think you'll miss your friend so badly
When it comes my time to disappear?

We have so much undergone together,
To each other bound in front-line strife!
Would that we might nevermore be severed,
Would we might together go through life.

When the victory comes and we are going,
You and I, back to our native homes,
Will they care and kindness there be showing?
How shall we be met?... Ah, dreams,
ah dreams!

We were oft within an ace of dying,
Doubtless we'll again be thither called.
Shall we recollect the old days' flying?
Or with shot-torn breast in battle fall?

If I'm, in the service of my country,
To a soldier's grave sent by the foe,
Will you grieve about your poet-comrade,
When through old Kazan you wandering go?

Blood and battle tied us to each other,
That is why our bonds waxed from the start!
Let us to the death back one another
If we're doomed one day to be apart.

На своих солдат глядит Отчизна,
Как огонь крушат они огнем...
Поклялись мы воинскою клятвой,
Что назад с победою придем.

1941

To her soldiers is our country looking,
Sees how fire with fire returned will be,
And we, too, a warrior's vow have taken
That we'll home return victoriously.

1941

Translated by Jessie Davies

СЛЕЗА

Покидая город в тихий час,
Долго я глядел в твои глаза.
Помню, как из этих черных глаз
Покатилась светлая слеза.

И любви и ненависти в ней
Был неиссякаемый родник.
Но к щеке зардевшейся твоей
Я губами жаркими приник.

Я приник к святому роднику,
Чтобы грусть слезы твоей испить
И за все жестокому врагу
Полной мерой гнева отомстить.

И отныне светлая слеза
Стала для врага страшнее гроз,
Чтобы никогда твои глаза
Больше не туманились от слез.

Февраль 1942. Волховский фронт

YOUR TEARS

In the stillness as we said goodbye,
Long into your dear-loved eyes I gazed.
I remember from those pitch-dark eyes,
Two transparent tears ran down your face.

Those two tears were an unbounded source
Of unspoken love and hatred bleak.
Then it was with burning lips I sought
The sweet comfort of your blushing cheek.

I drank deeply from that sacred source
While I hoped your fears to quench.
There and then I vowed that on our foes
I would wreak a terrible revenge.

From that day your bright transparent tears
For the enemy have been a curse.
So that tears of sorrow and of fear
Never more from your dear eyes would course.

February 1942. The Volkhov Front

Translated by Lydia Kmetyuk

ПЕРЕД АТАКОЙ

Выпьем, друг! За боевое счастье!
За бесстрашье юности живой!
Только б жить! И храбрости и страсти
На сто жизней хватит в нас с лихвой.

Наполняй, дружок, шампанским чарку,
Девушки прислали нам вино.
Потому ли, что я рад подарку,
Только полюбилось мне оно.

Пусть ярится пеною шипучей,
Льется в жилы волнами огня...
Может быть, от смерти неминучей
Ты из боя вынесешь меня.

Может быть, случится что похуже.
Только с кем из нас? С тобой? Со мной?
Что гадать?
Хлебнем из медных кружек
Влагу нашей радости земной!

Вы, землячки, выдумщицы, право,–
Или просто путает весна?–
Ваш румянец светится лукаво
В каждой капле алого вина.

Мы идем в атаку на рассвете...
А пока в молчании ночном,
Милые землячки, кружки эти
Мы за ваше счастье разопьем.

Поразит ли сердце пуля злая
Иль я останусь невредим,

BEFORE ATTACK

Here's a toast, friend! To success!
To the courage of our youth alive!
May we live! So brave we are–
Enough to live a hundred lives!

Fill your cup with champagne:
The girls sent us splendid wine.
Maybe I'm charmed with this gift
But to me it tastes fine!

Let it bubble with hissing foam,
Fill our sinews with fiery breath.
Maybe in tomorrow's attack
You will save me from death.

Or there may happen something worse.
But to whom? To you? To me?
Why be guessing?
                    Raise your cup,
Filled with fluid of our earthly joy!

You, my girls, are real magicians–
Or is spring leading me astray?–
Your rosy cheeks–how slily they shine
In a tiny drop of scarlet wine!

Early in the morning we attack...
In the silence of the night,
Dear girls, here we drain our cup,
To our happiness we drink your wine!

Will a bullet pierce my heart?
Will I stay unharmed, safe and alive?

Все равно — одно я твердо знаю:
Мы в атаке этой победим!

Всей душой к победе мы стремимся.
Что грустить, когда она в душе?
Пей, земляк! Подарком насладимся
При коптилке в тесном блиндаже...

Кружку осуши в одно мгновенье,
Алым током обжигая рот.
Как любимых губ прикосновенье,
Пусть она огонь в тебе зажжет.

Жар любви народной, жар заветный,
К нам дошел в том пламени живом.
И его в атаку в час рассветный
Мы дорогой славы понесем!

1942

All the same! One thing I know:
We are sure to win this fight!

Victory, wished-for by all,
When you're in our souls, why be sad?
Drink, my friend, let's revel in the gift
In this dugout lit by a wick-lamp.

Drain your cup in one long stretch,
In the scarlet current your mouths dip!
Let it kindle fire in your heart,
Like the ardent touch of loving lips.

And this scarlet wine brought to us
The heat of love, this living flame–
In the morning to the battlefield
We shall bring it by the road of fame!

1942

Translated by Dmitry Priyatkin

THE JOY OF SPRING

The smiling spring will all around be shedding
Its green upon the far-flung meadowlands.
New branches in the grove will be outspreading
And singing nightingales in gardens sound.

Then will you walk, the wood and pathway
taking,
Your tresses in the spring breeze borne abroad,
Your footsteps will the chilly dew be shaking,
But your love's far away and you'll be sad.

In fields am I, where barbed wire now is coiling,
And death goes whistling all adown the lea,
Though even here the sky is black with starlings,
They're starlings that have feathers made
of steel

Here bombs explode, and the Sun's face is sullied,
Here you can smell the blood and not the rose,
It's not the dew that makes the thick grass humid,
But human tears and blood that on it flow.

Athwart the smoke I sometimes seek the sunlight,
And with a bitter pang my heart will swell,
Then on my hair the dewdrops will I sprinkle,
Catching a droplet in a flower's bell.

And then I'll scent the perfumes of the
springtime,
And all my soul will filled with blossom be.
You in the distance will be standing smiling,
My darling, my beloved, the spring for me!

The enemy came down to thieve and pillage,
And we were parted, ruin was so near.

РАДОСТЬ ВЕСНЫ

Весна придет, улыбкой озаряя
Просторы зеленеющих полей.
Раскинет ветви роща молодая,
В саду рассыпет трели соловей.

Тогда пойдешь ты по лесной доро
Взовьются две косы на ветерке.
Холодная роса обрызжет ноги,
И ты взгрустнешь—твой милый вдал

Я там, где поле в проволке колюч
Где свищет смерть по просекам лесн
Скворцы и тут на небе кружат туч
Но эти с оперением стальным.

Тут бомбы рвутся, солнце застилая.
Тут слышен запах крови, но не р
Не от росы сыра трава густая—
От крови человеческой и слез.

Сквозь дым за солнцем я слежу поро
Крадется в сердце острая тоска.
Я волосы себе кроплю росою,
Поймав росинку в чашечке цветка.

Тогда я слышу аромат весенний,
Тогда душа цветением полна.
И ты стоишь с улыбкой в отдалень
Моя любимая, моя весна!

Враги пришли разбойною оравой.
Расстались мы, беда была близка.

THE JOY OF SPRING

The smiling spring will all around be shedding
Its green upon the far-flung meadowlands.
New branches in the grove will be outspreading
And singing nightingales in gardens sound.

Then will you walk, the wood and pathway
taking,
Your tresses in the spring breeze borne abroad,
Your footsteps will the chilly dew be shaking,
But your love's far away and you'll be sad.

In fields am I, where barbed wire now is coiling,
And death goes whistling all adown the lea,
Though even here the sky is black with starlings,
They're starlings that have feathers made
of steel.

Here bombs explode, and the Sun's face is sullied,
Here you can smell the blood and not the rose,
It's not the dew that makes the thick grass humid,
But human tears and blood that on it flow.

Athwart the smoke I sometimes seek the sunlight,
And with a bitter pang my heart will swell,
Then on my hair the dewdrops will I sprinkle,
Catching a droplet in a flower's bell.

And then I'll scent the perfumes of the
springtime,
And all my soul will filled with blossom be.
You in the distance will be standing smiling,
My darling, my beloved, the spring for me!

The enemy came down to thieve and pillage,
And we were parted, ruin was so near.

Оружье сжав, иду я в бой кровавый
Развеять нечисть острием штыка.

И нет в душе желания сильнее,
И все мои мечтанья об одном –
Увидеться бы с милою моею,
Покончив с темным вражеским гнездом.

Как я б гордился, что от силы вражьей
Смог защитить родную и весну,–
Не будет солнце в копоти и саже,
И больше недруг не войдет в страну.

Пройдя через стремнину огневую,
Я бы вернулся, чтоб в родном краю
Тебя увидеть и весну большую,
Спасенную от недруга в бою.

1942

I took up arms and joined the battle carnage
At bayonet's point the evil scum to clear.

My heart has one desire above all other,
I'm of the same thing dreaming night and day,
To see once more my dearest one, my loved one,
When we've this nest of vipers cleared away.

How proud I'd be, staunchly to have defended
My darling and my spring from alien might,
No foe our land again shall ever enter,
For in the battle's smoke Sun gives no light.

Through fire and water would I go unbidden,
To come once more back to my native home,
And see both you and the grand Spring delivered
In heat of battle from the alien foe.

1942

Translated by Jessie Davies

ТВОЯ ДОЛЯ

Мы наступаем. Всюду груды лома,
Винтовок, пушек – признаки разгрома.
Вот каска, неказистая на вид,
С кокардой на боку в траве лежит.
Заржавела. Владелец сгнил... Могила
На перекрестке высится уныло.
Слепили крест, сломав какой-то шест,
И каску нахлобучили на крест,
Стервятники и тощие вороны
Над ним «ясин»* читают похоронный...

Тот, кто зарыт здесь, будучи живым,
Был множеством желаний одержим:
На этих землях властвовать хотел он
Помещиком, сатрапом оголтелым.
В его воображении тупом
Народ наш гордый был его рабом.
Увы, «бедняга» был застигнут крахом –
Он сам под землю лег холодным прахом.

Да, так, фашист, задумал ты хитро.
Но не тебе делить страны добро!
Аршин земли да крест дубовый в поле –
Вот, как гласит присловье, серебро,
Которое пришлось тебе на долю**!

Март 1942

* «Ясин» – отходная молитва.

** Серебро, что пришлось на твою долю (пословица) – ироническое обозначение обманутых ожиданий

YOUR REWARD

We are advancing. All around a jumble
Of mutilated weapons. Signs of debâcle.
An iron helmet, humiliated and askew,
Lies by the roadside in the dew.
It's gone rusty. Its owner has long mouldered
Within the wayside mound that stands by mournful.
To make his cross they took two broken sticks,
And then on top his helmet they'd affixed.
There's none to mourn his soul in doleful prayer
Except some skinny crows and haggard birds of prey...

He who is buried here, while still alive,
Was swayed by more than one rapacious drive.
Of this vast land he wished to be the master,
A lord who ruled with ruthlessness and rigour.
He was so dull, so hopelessly depraved,
He thought our noble people to enslave.
Alas, the hapless wretch's plans miscarried,
And he himself has been reduced to carrion.

Yes, Fascist, you had thought your plan just grand.
But not for you the riches of this land!
Six feet of soil, a cross upon the plain –
Such, as the saying goes, is the reward
That you have earned from Fate for all your pains!

March 1942

Translated by Lydia Kmetyuk

СМЕРТЬ ДЕВУШКИ

Сто раненых она спасла одна
И вынесла из огневого шквала,
Водою напоила их она
И раны их сама забинтовала.

Под ливнем раскаленного свинца
Она ползла, ползла без остановки
И, раненого подобрав бойца,
Не забывала о его винтовке.

Но вот в сто первый раз, в последний раз,
Ее сразил осколок мины лютой...
Склонился шелк знамен в печальный час,
И кровь ее пылала в них как будто.

Вот на носилках девушка лежит.
Играет ветер прядкой золотистой.
Как облачко, что солнце скрыть спешит,
Ресницы затенили взор лучистый.

Спокойная улыбка на ее
Губах, изогнуты спокойно брови.
Она как будто впала в забытье,
Беседу оборвав на полуслове.

Сто жизней молодая жизнь зажгла
И вдруг сама погасла в час кровавый...
Но сто сердец на славные дела
Ее посмертной вдохновятся славой.

DEATH OF A GIRL

A hundred wounded in the field she saved,
Through hails of bullets bore them off and tended,
Their parched and thirsty lips with water bathed,
And bandaged up their wounds quite single-handed.

Through bursts of white-hot lead without a stop
She'd crawl and crawl, of fear she showed no trifle,
And when she picked a wounded soldier up
Made sure not to forget about his rifle.

A hundred times she'd gone. The next time though,
A splinter killed her from a mine exploding...
The flags, in mourning lowered, seemed all drenched through –
Her crimson blood upon them brightly glowing.

There on a stretcher lay the lifeless girl,
The fluttering breeze her golden hair-strand twining,
And like a cloud across the sun unfurled,
Her lashes drooped upon those eyes once shining.

A peaceful smile was playing round her lips,
Her drawn brows, too, serenity displaying,
It was as though she'd to oblivion slipped,
Without completing what she'd started saying.

A hundred other lives her young life stirred
Before it flickered out in battle gory...
And yet the glory of her dying spurred
A hundred other hearts to deeds of glory.

Погасла, не успев расцвесть, весна.
Но, как заря рождает день, сгорая,
Врагу погибель принеся, она
Бессмертною осталась, умирая.

Апрель 1942

Her spring was blighted, bloom would never know.
But just as dawn must burn, the daylight giving,
So, as she dealt destruction to the foe,
She in her hour of death she still was living.

April 1942

Translated by Jessie Davies

9-198

from the MOABIT NOTEBOOK

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Милый мой, радость жизни моей,
За Отчизну уходит в поход.
Милый мой, солнце жизни моей,
Сердце друга с собой унесет.

Я расстанусь с любимым моим,
Нелегко провожать на войну.
Пусть бои он пройдет невредим
И в родную придет сторону.

Весть о том, что и жду, и люблю,
Я джигиту пошлю своему.
Весть о том, что я жду и люблю,
Всех подарков дороже ему.

Июнь 1942

THE GIRL'S SONG

My beloved, joy of my life,
To fight for his land departs.
My beloved, joy of my life,
Is taking his friend's heart.

I am parting from my beloved.
How hard it is to part!
Let him come back to his native land,
Through all battles pass unharmed.

The news I await and love him
I'll be sending to my djigit.
The news I await and love him
Is to him the sweetest gift.

June 1942

Translated by Dmitry Priyatkin

ПЛАТОЧЕК

Простились мы, и с вышитой каймою
Платок родные руки дали мне.
Подарок милой! Он всегда со мною.
Ведь им закрыл я рану на войне.

Окрасился платочек теплой кровью,
Поведав мне о чем-то о родном.
Как будто наклонилась к изголовью
Моя подруга в поле под огнем.

Перед врагом колен не преклонял я.
Не отступил в сраженьях ни на пядь.
О том, как наше счастье отстоял я,
Платочек этот вправе рассказать.

Июль 1942

THE SHAWL

We parted – her dear hands
Gave me this embroidered shawl.
I laid it on my battle wounds.
This gift is the dearest of all.

The shawl is tinged with blood,
It tells of something dear,
As though, bent over my head,
My love's in the battle here.

I've not given an inch of my land,
To the foe I have never knelt,
How I champion our love
This shawl can rightly tell.

July 1942

Translated by Dmitry Priyatkin

ПРОСТИ, РОДИНА!

Прости меня, Родина, чье святое
Имя не раз повторял я в бою,
Прости за то, что с последним вздохом
Не отдал я жизнь во славу твою.

О нет, я тебя ни на миг не предал
Во имя пылинки – жизни моей.
Волхов – свидетель: священной присяге
Я верен был до последних дней.

Не трусил я, видя, как рвутся бомбы,
Как сыплются пули свинцовым дождем,
Не дрогнул душой, когда кровь и трупы
Только и были видны кругом.

Хоть сзади и спереди, слева и справа
Отрезан был путь, хоть пылала грудь,
Облитая кровью,– не лил я слезы,
Ослаб, но душой не слабел ничуть.

Тень смерти костлявой, неотвратимой
Ко мне приближалась,– и думал я:
«Бери меня, смерть! В ненавистном рабстве
Пускай не окончится жизнь моя!..»

Не я ли писал моей спутнице жизни:
«Не бойся, родная, мне цель ясна,–
Пусть крови последняя капля прольется,
На клятве моей не будет пятна!»

Не я ли пламенными стихами
В кровавом бою возглашал: «Клянусь,

A PLEA TO MOTHERLAND

Forgive me, Motherland, whose name
Was on my lips in bitter strife,
Forgive me–to your sacred glory
I failed to sacrifice my life.

I didn't betray you for a moment
To save my life, a speck of dust.
The Volkhov Front knows–I to my oath
Was faithful to the very last!

I feared not when I heard the blast
Of bombs and bullets' buzzing sound.
I faltered not when blood and corpses
Was all there was to see around.

Although on every side the road
Was cut, although my chest was burnt
With my hot blood, I shed no tear–
My limbs were weak, my soul was strong.

The shade of Death, raw-boned and morbid,
Came close to me, and then I thought:
"Oh, take me, Death! To end in bondage,
A wretched slave, my life refuses!"

Yes, it was I wrote to my darling:
"Be not afraid, clear is my aim:
I may be dead, I may be wounded,
But never will my oath be stained!"

Yes, it was I wrote fiery verses
In bloody combat: "I have sworn

Увижу смерть – с презреньем и гневом
В лицо ей в последний миг улыбнусь!»

Писал я: «Любовь твоя, о подруга,
Поможет в муках предсмертных мне,–
Как верен я был и тебе, и Отчизне,
Я кровью своей напишу на земле!»

Писал я: «Отдам свою жизнь в сраженье
И только тогда спокойно усну...»
Поверь мне, Отчизна: горящим сердцем
Твердил я клятву эту одну!

Но зло надо мною судьба посмеялась,
И смерть меня не коснулась, нет...
Что мог я поделать, если нежданно
В последний миг отказал пистолет?

Себя скорпион беспощадно жалит,
Увидев, что он окружен огнем,
Орел умирает, с утеса бросаясь,
А я разве не был таким орлом?

Да, Родина, верь: был орлом я смелым,
И чтоб не попасться во вражью сеть,
Хотел я расправить гордые крылья,
С утеса броситься – и умереть.

Хотел, но не смог... От последнего слова
Решил отказаться друг-пистолет...
А враг мне сковал ослабелые руки,
Погнал по дороге жестоких бед.

Теперь я в неволе... Каждое утро
Гляжу на восток, где заря взошла,
И пламя мщенья стихами рвется
Из сердца израненного орла.

Восток – словно знамя в руках друзей –
Огнем по утрам небеса багрит...

That when I see my Death approach
In His face I shall smile with scorn!"

I wrote: "Your love, my darling, will help
Me face the pain of death
And, spelled in blood, my dying words
Shall witness to my faith!"

I wrote: "I'll give my life in combat
And then lie peacefully asleep."
Believe me, Motherland – to a burning
Heart this the oath to keep.

But Fate was cruel, Fate was mocking...
And Death, you've not borne me away.
What could I do – at a fateful moment,
Quite suddenly, my pistol failed.

A scorpion is firmly biting
Himself when he's besieged by fire,
An eagle proudly rushes down
The cliff – and such was my desire.

Believe me: yes, I was an eagle
And, to avoid the hostile nets,
I wished to spread my wings, go rushing
Down from the cliff to meet my death...

I wished... but could I?... My companion,
My pistol, would not say a word,
The enemy took hold of me
And tied my hands until it hurt.

Now I'm in bondage... Every morning
I look to the East, where new days start,
The flame of vengeance bursts in poems
From a captive eagle's wounded heart...

The East is like a friendly banner,
It paints in red the skies at dawn...

О если б, друзья дорогие, вы знали:
Не болью пробитой груди, не печалью,
А яростью пленное сердце горит!

Одна лишь надежда: бежать поможет
Мне черная августовская ночь.
Священный гнев и любовь к Отчизне
Разрушить неволю должны помочь!

Одна лишь надежда, друзья, что скоро
Опять я примкну к рядам боевым
Израненным, но не смирившимся
в рабстве,
Ничем не запятнанным сердцем моим.

Июль 1942

I wish, I wish you knew, my dear,
It's not with pain, with grief, with fear –
With wrath my captive heart does burn!

There is one hope – a night in August
Will help me flee the dungeon deep.
My sacred wrath, love for my country
Must help me break from slavery!

There is one hope – that soon, dear comrades,
Of your ranks I'll form part again,
With mutilated, but unbending,
Unstained, inviolable heart!

July 1942

Translated by Dmitry Priyatkin

ВОЛЯ

И в час, когда мне сон глаза смыкает,
И в час, когда зовет меня восход,
Мне кажется, чего-то не хватает,
Чего-то остро мне недостает.

Есть руки, ноги – все как будто цело,
Есть у меня и тело и душа.
И только нет свободы! Вот в чем дело!
Мне тяжко жить, неволею дыша.

Когда в темнице речь твоя немеет,
Нет жизни в теле – отняли ее,
Какое там значение имеет
Небытие твое иль бытие?

Что мне с того, что не без ног я вроде:
Они – что есть, что нету у меня,
Ведь не ступить мне шагу на свободу,
Раскованными песнями звеня.

Я вырос без родителей, и все же
Не чувствовал себя я сиротой.
Но то, что было для меня дороже,
Я потерял: Отчизну, край родной!

В стране врагов я раб тут, я невольник,
Без родины, без воли – сирота.
Но для врагов я все равно – крамольник,
И жизнь моя в бетоне заперта.

Моя свобода, воля золотая,
Ты птицей улетела навсегда.

FREEDOM

When with the light of dawn I am awaking,
Or when I sink into sleep's dark abyss,
I have a feeling that there's something wanting,
That there is something very much amiss.

My hands and feet ... they do not seem disabled,
I seem quite sound of body and of soul.
It's freedom that I lack! Yes, that's the trouble.
I cannot breathe the air a captive's doled.

When in captivity your speech is stifled,
Your living body is of life deprived.
And then it doesn't matter, not a trifle,
Whether you are dead or still alive!

Even if my limbs are whole, what do I profit?
It really makes no difference that they are.
My right to move of my free will is forfeit,
My every step, my every song is barred.

I grew up without parents yet I never
Felt hopelessly bereaved and all alone.
But now I've lost what I held even dearer:
My native land, the land that was my own.

In hostile country I am held a captive,
An orphan without liberty or home.
But to my foes I'm nonetheless destructive,
And so my life has been confined in stone.

Just like a golden bird you've flown forever,
My winged liberty, my freedom fair.

10-198

Взяла б меня с собою, улетая,
Зачем я сразу не погиб тогда?

Не передать, не высказать всей боли,
Свобода невозвратная моя.
Я разве знал на воле цену воле!
Узнал в неволе цену воли я!

Но коль судьба разрушит эти своды
И здесь найдет меня еще в живых,—
Святой борьбе за волю, за свободу
Я посвящу остаток дней своих.

Июль 1942

If only you had let me go together...
Oh why did I not perish, then and there?!

There is no way to plumb, no way to fathom
The pain that racks the heart for freedom lost.
When free, I did not know the price of freedom,
In slavery have I learned what freedom costs!

Should destiny one day destroy this prison,
And should it find me here and still alive,
To liberty, the sacred fight for freedom
I'll give each moment that remains in life.

July 1942

Translated by Lydia Kmetyuk

ПТАШКА

Бараков цепи и песок сыпучий
Колючкой огорожены кругом.
Как будто мы жуки в навозной куче:
Здесь копошимся. Здесь мы и живем.

Чужое солнце всходит над холмами,
Но почему нахмурилось оно? –
Не греет, не ласкает нас лучами, –
Безжизненное, бледное пятно...

За лагерем простерлось к лесу поле,
Отбивка кос там по утрам слышна.
Вчера с забора, залетев в неволю,
Нам пела пташка добрая одна.

Ты, пташка, не на этом пой заборе.
Ведь в лагерь наш опасно залетать.
Ты видела сама – тут кровь и горе,
Тут слезы заставляют нас глотать.

Ой, гостья легкокрылая, скорее
Мне отвечай: когда в мою страну
Ты снова полетишь, свободно рея?
Хочу я просьбу высказать одну.

В душе непокоренной просьба эта
Жилицею была немало дней.
Мой быстрокрылый друг! Как песнь поэта
Мчись на простор моих родных полей.

TO A LITTLE BIRD

All 'round us sand. A chain of dreary barracks,
Surrounded on all sides by barbed wire.
We're just like beetles delving in our dunghills.
This is our lodging. This is where we're mired.

An alien sun arises o'er the hilltops,
I wonder why it always looks so grim?
It doesn't warm, its beams do not caress us,
It's just a blotch of lifeless pale chagrin ..

From off the field that stretches to the forest
The sound of mowing every morn is heard.
But yesterday there flew into our prison
To *sing for us a kindly little* bird.

My dear one, you have picked the wrong enclosure,
It's dangerous to come to sing in here.
You've seen yourself - the heartache and the bloodshed...
This camp's a vale of hopelessness and tears.

Oh welcome wanderer, do answer quickly:
When will you soar again into the blue
To wing your way unhampered to my country?
I have a favour to request of you.

In my unvanquished soul this last entreaty
Has lived in hope for many, many days.
My fleet-winged friend! Go, speed you to my country,
To its vast fields the poet's song convey!

По крыльям-стрелам и по звонким
песням
Тебя легко узнает мой народ.
И пусть он скажет: – О поэте весть нам
Вот эта пташка издали несет.

Враги надели на него оковы,
Но не сумели волю в нем сломить.
Пусть в заточенье он, поэта слово
Никто не в силах заковать, убить...

Свободной песней пленного поэта
Спеши, моя крылатая, домой.
Коль сам погибну на чужбине где-то,
То будет песня жить в стране родной!

Август 1942

My people will immediately know you
By your sonorous voice and spear-shaped wings.
And they will say: 'Tis tidings of the poet
From distant parts the feathered songstress brings.

Our deadly foes have put him into shackles,
But nothing that they did could break his will.
Though in captivity, the poet's message,
No force can manacle, no force can kill...

The free-born poem of the captive poet,
You, my winged one, hasten to our home.
And though in foreign country I should perish
My song will live undying 'mongst my own!

August 1942

Translated by Lydia Kmetyuk

БОЛЬНЫЕ ДУМЫ

Победит меня, кажется, дура-смерть,
Голод, холод, вши меня изведут,
И умру, как зимой на холодной печи
Одиноко старухи нищие мрут.

Я мечтал, что погибну под градом пуль,
По-геройски хотел в бою умереть,
Но не вышло! Коптилкой тусклой чадя,
Суждено в неволе мне догореть.

Все стремленья мои превратились в прах,
А надеялся многое я создать,
Но напрасно писал я: «С улыбкой
умру»,
Нет, джигиты, не хочется умирать!

Разве жил я достаточно на земле?
Разве смог совершить большие дела?
Верю я, если б жизнь продлилась моя,
То куда бы полезнее быть могла.

Никогда я не чувствовал до сих пор
Столько боли и жара в своей крови –
Столько жажды свободы, жгучей тоски,
Столько гнева, ненависти, любви!

Лишь теперь постиг я, каким огнем
В человеке сердце может пылать,–
Больно знать, что жаркий этот огонь
Не сумел я Отчизне своей отдать.

MY AILING THOUGHTS

I'm afraid that fool death will defeat me soon,
The hunger, lice and cold will do me in,
And I'll die as in winter an old beggar dies,
All alone, without comfort of friend or kin.

I had hoped a bullet would strike me down,
In the thick of battle a hero I'd fall,
But alas! An enfeebled, sputtering flame,
In captivity I am fated to pall.

I have witnessed my hopes all reduced to dust,
All the hopes of achievement that had run so high.
I should never have written: "I'll die with a smile"
For it's true, my dear friends, I don't want to die!

Is it possible I have lived long enough?
Could I do very much in that span on earth?
I am certain that if my life were prolonged
It could be from hereon of much greater worth.

I had never before to this very day
Felt such pain and such searing fire in my blood,
Such desire for freedom and such distress,
Such consuming anger and hatred and love!

Only now have I fathomed what flaming fire
In a human heart can billow and flame.
I have failed to give of that fire to my land
And that thought is what gives me no end of pain.

Разве смерть обидна или страшна,
Если гибнешь ты за родной народ?
Но позорна, друзья, даже самая мысль,
Что умру от голода и невзгод.

Жить хочу, чтобы сердца последний
удар
За родную землю отдать свою,
Чтобы мог я, уже умирая, сказать:
–За тебя, Отчизна, жизнь отдаю!

Сентябрь 1942

If one has to die for one's own land,
Such a death would not grieve or terrify.
But, my friends, I start blushing with shame to think
That of hunger and hardships I may die.

I want to live so that for my native land
I could give my heart to the very last beat.
So that "Motherland, 'tis for your sake I die..."
With my dying breath I could happily breathe!

September 1942

Translated by Lydia Kmetyuk

РАССТАВАНЬЕ

Как трудно, трудно расставаться, зная,
Что никогда не встретишь друга вновь.
А у тебя всего-то и богатства –
Одна лишь эта дружба да любовь!
Когда душа с душой настолько слиты,
Что раздели их – и они умрут,
Когда существование земное
В разлуке с другом – непосильный труд,–
Вдруг от тебя навек уносит друга
Судьбы неумолимая гроза.
В последний раз к губам прижались губы,
И жжет лицо последняя слеза...

Как много было у меня когда-то
Товарищей любимых и друзей!
Теперь я одинок... Но все их слезы
Не высыхают на щеке моей.
Какие бури ждут меня,– не знаю,
Пускай мне кожу высушат года,
Но едкий след слезы последней друга
На ней я буду чувствовать всегда.
Немало горя я узнал на свете,
Уже давно я выплакал глаза,
Но у меня б нашлась слеза для друга,–
Свидания счастливая слеза.
Не дни, не месяцы, а годы горя
Лежат горою на моей груди...
Судьба, так мало у тебя прошу я:
Меня ты счастьем встречи награди!

Октябрь 1942

PARTING

A parting with a friend is past all bearing
When there's no hope of meeting any more.
Especially if the riches you can boast of
Comprise of love and friendship, nothing more.
When heart with heart are merged in such a oneness
That they would die once they are torn apart,
And when the trials and labours of existence
Without one's friend would simply be too hard,
Your friend from you by destiny is severed
Forever, at a stroke right from the clear,
And lips are pressed to lips the last time ever,
Your face is seared by one last bitter tear...

There was a time I had so very many
Good comrades and true friends I held so dear.
Now I am all alone ... but now as always
Upon my cheek I sense their fervent tears.
I've no idea what storms and trials await me,
But even when my skin is parched with years,
No matter if the trace they leave is bitter,
I'll always quicken to a friend's last tear.
In life I've known much sorrow and affliction,
I have no tears left, my eyes are dry.
But I'd have found a tear for one I cherish.
The joy of seeing a friend would make me cry.
It is not days, but months and years of sorrow
That press down heavily upon my breast.
Oh, Fate, a meeting with a friend vouchsafe me!
It's really such a trifle I request...

October 1942

Translated by Lydia Kmetyuk

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Какая вдали земля
Просторная, ненаглядная!
Только моя тюрьма
Темная и смрадная.

В небе птица летит,
Взмывает до облаков она!
А я лежу на полу:
Руки мои закованы.

Растет на воле цветок,
Он полон благоухания,
А я увядаю в тюрьме:
Мне не хватает дыхания.

Я знаю, как сладко жить,
О сила жизни победная!
Но я умираю в тюрьме,
Эта песня моя –
последняя.

Август 1943

THE LAST SONG

The Earth is so vast,
Spacious, lovely!
And my prison is
Dark and stinking.

A bird in the sky
Soars to the clouds.
On the floor I lie,
My hands are chained.

A flower grows in freedom,
Sweet it smells!
I languish in prison,
My breath fails.

Victorious force of life!
I know life is sweet.
And I die in prison.
This song is
                my last.

August 1943

Translated by Dmitry Priyatkin

КАПРИЗНАЯ ЛЮБОВНИЦА

Красотка говорила молодая
Царевичу, пылавшему в любви:
- Чтобы поверить в страсть твою
могла я,
Эй, шахский сын, ты брата умертви.

И шахзаде, ослушаться не смея,
Пошел и брату голову отсек.
И вот он появился перед нею
И череп положил у милых ног.

Красотка в череп наливает яду,
Любимому его подносит: «Пей!»
Тот яд царевич выпил как отраду...
Любовь слепа и тем стократ сильней.

Любил я жизнь всем сердцем, и
награды
Я, наконец, дождался, но какой?
Коварная дает мне чашу яда,
Та чаша – череп юности былой!

Август 1943

A FICKLE MISTRESS

One day a young enchantress told her suitor,
A prince whose passion nothing could allay:
"If you want me to believe your ardour,
Go, Shah-zadeh, your royal brother slay."

Not daring disobey his mistress' order,
His brother's head he struck off with a sweep,
And soon he reappeared before her
And placed the skull at her beloved feet.

The charmer poured some poison in the death's head.
"Drink the cup",–her lover she enjoined.
He drank as though it were a benediction...
The blinder love, the surer it destroys.

I've worshipped life with passion and abandon,
And I'm to get what's my reward at last:
The False One offers me a cup of poison,
That cup's the death's head of a youth that's past!

August 1943

Translated by Lydia Kmetyuk

ОСУЖДЕННЫЙ

Приговор сегодня объявили:
К смертной казни он приговорен.
Только слезы, что в груди кипели,
Все иссякли... И не плачет он.

Тихо в камере... С ночного неба
Полная луна глядит, грустя.
А бедняга думает, что будет
Сиротой расти его дитя.

Сентябрь 1943

THE CONDEMNED MAN

They today the verdict out are spelling:
And his sentence—execution is.
Then the tears with which his breast was swelling,
All dried up—no sorry weeping his.

Silent the cell... The whole night sky suffusing,
The full moon gazes in dejectedly,
The luckless devil sitting there and musing
That his little child would orphaned be.

September 1943

Translated by Jessie Davies

СОН В ТЮРЬМЕ

Дочурка мне привиделась во сне.
Пришла, пригладила мне чуб ручонкой.
— Ой, долго ты ходил! — сказала мне,
И прямо в душу глянул взор ребенка.

От радости кружилась голова,
Я крошку обнимал, и сердце пело.
И думал я: так вот ты какова,
Любовь, тоска, достигшая предела!

Потом мы с ней цветочные моря
Переплывали, по лугам блуждая;
Светло и вольно разлилась заря,
И сладость жизни вновь познал тогда я...

Проснулся я. Как прежде, я в тюрьме,
И камера угрюмая все та же,
И те же кандалы, и в полутьме
Все то же горе ждет, стоит на страже.

Зачем я жизнью сны свои зову?
Зачем так мир уродует темница,
Что боль и горе мучат наяву,
А радость только снится?

Сентябрь 1943

A DREAM IN PRISON

I saw my little daughter in a dream...
She came, her little hand caressed my hair.
And then she said to me: "How long you've been..."
Before her little eyes my soul lay bare.

With joy my head went dizzy. I caressed
My daughter and my heart was singing loud.
The thought occurred to me: "That is what limitless
Love, agony and pain can bring about."

And then we swam across a flowery sea,
We wandered in the meadows far and wide.
The day was dawning–it was light and free
And once again I knew the joy of life.

Then I awoke–in prison as before,
The same grim cell, and chains, and window barred.
In fetid darkness by the gloomy door
My anguish keeps its solitary guard.

And then I thought: "Why call my dream a life?
Why is the world with ugly jails defiled
So that, awake, we suffer pain and grief,
And joy attends us only when we sleep?"

September 1943

Translated by Dmitry Priyatkin

ПЕРЕД СУДОМ

(Черчетский хан)*

Нас вывели — и казнь настанет скоро.
На пустыре нас выстроил конвой...
И чтоб не быть свидетелем позора,
Внезапно солнце скрылось за горой.

Не от росы влажна трава густая,
То, верно, слезы скорбные земли.
Расправы лютой видеть не желая,
Леса в туман клубящийся ушли.

Как холодно! Но ощутили ноги
Дыханье земли, что снизу шло;
Земля, как мать, за жизнь мою в тревоге
Дарила мне знакомое тепло.

Земля, не бойся: сердцем я спокоен,
Ступнями на твоем тепле стою.
Родное имя повторив, как воин
Я здесь умру за родину свою.

Вокруг стоят прислужники Черчега.
И кровь щекочет обонянье им!
Они не верят, что их песня спета,
Что не они, а мы их обвиним!

Пусть палачи с кровавыми глазами
Сейчас свои заносят топоры,
Мы знаем: правда все равно за нами,
Враги лютуют только до поры.

* Черчегский хан — персонаж из поэмы татарского поэта А. Исхака, изданной в 1940 г. под редакцией М. Джалиля В целях конспирации поэт называет черчетами фашистов

ON TRIAL

(The Khan of Cherchet)*

Our execution's soon – we've out been taken,
And lined up in a solitary spot...
In order not to see a deed so shameful,
The sun behind the hill has promptly dropped.

Those are not dewdrops sprinkled on the verdure,
But tears of sorrow that the earth has shed,
And, so as not to see such ruthless murder,
The woods inside a swirling mist have hid.

How cold it is! Yet round my feet comes stealing
A breath of earth upsurging from below;
Earth, like mother, for my safety feeling,
Her own familiar warmth on me bestows.

Be not afraid, o earth: my heart is peaceful.
My footsoles feel your warmth as here I stand.
And here I'll perish, your dear name repeating,
Like a warrior for my native land.

Around me stand the Cherchet khanate
henchmen,
And with the smell of blood their nostrils itch.
They don't believe their reign will soon be ended,
That we shall them, and not they us, impeach.

So let the executioners, bloodthirsty,
Their axes brandish for the present time,
That truth is in our side we know for certain:
The enemy will rage just for a time.

* *Khan of Cherchet* – a character from the Tatar poet A Iskhak's epic, edited by Jalil and published in 1940 For clandestine reasons the poet refers to the fascists as Cherchets.

Придет, придет день торжества свободы,
Меч правосудья покарает их.
Жестоким будет приговор народа,
В него войдет и мой последний стих.

1913

The day will come for freedom's domination,
And punished they will be by righteous swords.
Then harsh will be the people's condemnation,
And I'll to it add, too, my final word.

1943

Translated by Jessie Davies

ЛЮБИМОЙ

Годами, может быть, письма не будет,
Ни весточки, ни слуха не дойдет,
Седая пыль мои следы засыплет,
Травой моя дорожка зарастет.

И в снах твоих, быть может, появлюсь я
В одежде черной, мрачный и немой,
И годы смоют память о прощанье,
Изгладят поцелуй последний мой.

Я знаю: бесконечно трудно будет,
И ты в конце концов устанешь ждать
И сердце убедить свое сумеешь,
Что «нет его», что не явлюсь опять.

И то, что для меня всего дороже –
Любовь твоя – в один из дальних дней
Покинет исстрадавшееся сердце:
Навек уйду из памяти твоей.

Пойми, подруга: лишь тогда, впервые,
Впервые душу оскорбишь во мне,
И лишь тогда одержит смерть победу –
Отрежет путь к родимой стороне.

Я верою в тебя силен и крепок
Был до сих пор средь бури и огня,–
Твоя любовь волшебным талисманом
Хранила на крутых путях меня.

Сейчас повержен я, но нашу клятву –
«Мы победим» – храню, покуда жив.

TO MY LOVE

Perhaps the years go by, no letters come,
Or any news of me.
My every footprint covered with blind earth,
My tracks grass-grown and nothing left to see.

Perhaps–in black I'll visit you in dreams,
Walk in abruptly, sorrowfully keep tryst;
Or Time's impassive billows will erase
That moment long ago, our parting kiss.

So great a burden, waiting, dreadful wait,
So wearing, draining every thought,
So you're convinced at last: "He is no more"–
As if it were a sentence, and your lot.

Your love will pass, not mine. But then, it's all
I have: so strong, there's nothing else perhaps.
Unlooked for, yet the day will come on which
Your memory of me must surely lapse.

And only then, that very moment when
All thoughts of me are emptied from your mind,
Perhaps that very moment Death will win,
And rob me so that no way back I find.

So long as you still waited, I was strong–
Death missed me on the battle-field:
Your love a truly magic talisman,
In each campaign it acted as my shield.

I, wounded, fell. But still cried: "Victory!"
In battle, on my vows I brought no shame.

Ты и сама не скажешь мне спасибо,
Коль возвращусь, победы не добыв.

Борьба трудна, пути опасны будут,
Но помни, жди, надежды не теряй!
Меня живым – через огни и воды –
Любовь твоя вернет в родимый край.

Сентябрь 1943

You see, if I came back defeated, you
Might not say "Thank you" to me for the same.

A soldier's road is tortuous, takes him far;
But do not let your love or hopes fall slack:
Through fire and water I can go, your love
My pledge of safety that... I shall come back.

September 1943

Translated by Gladys Evans

ПОСЛЕДНЯЯ ОБИДА

С обидой жгучей я уйду из жизни,
Уйду, судьбу бездушную кляня.
Зачем ты, мать, ласкала и растила
И свет очей струила на меня?

Напрасно грудью сына ты кормила,
Мне песни пела в тишине ночей,–
В проклятья эти песни превратились
Теперь в душе озлобленной моей.

Скажи мне, жизнь, не я ли все страданья
Терпел, пока хватало слез и сил?
Но слезы кончились... А вместе с ними
Я и свое терпенье истощил.

Ведь даже дикий зверь, когда захочет,
Купаться может, жажду утолить,
А я в жару предсмертном задыхаюсь –
И нечем пересохший рот смочить.

Лишен я дружбы... Не ладони друга –
Оковы тяжкие мне руки жмут.
Лишен я солнца... В смертную минуту
Лучи его мне в очи не блеснут.

Что ж, хорошо, умру... Одно лишь грустно:
Еще б хоть раз на дочку посмотреть!..
К могиле матери лицом припасть бы –
Вот так бы мне хотелось умереть!

THE LAST STRAW

With burning indignation life here ending,
I imprecate my cruel destiny.
Why, Mother, did you cherish me and tend me?
Why was your loving eyes' light shed on me?

To feed me at your breast was worse than useless,
To croon to me at night – an idle jest,
Those songs are now just maledictions fruitless,
In my embittered and indignant breast.

Now tell me, life, did I not all privations,
So long as I had strength and tears, endure?
But tears are at an end now, and my patience
As well's exhausted. I can bear no more.

Even the beasts that in the field run boisterous,
Can wallow in the stream and drink when dry,
But I have nothing my parched throat to moisten,
From suffocating fever I choke and die.

Deprived of friendship am I – a pariah,
And on my wrists the heavy fetters lie,
Deprived of sun am I... and at my dying
No rays of it I feel upon my eyes.

Alright, I'll die, but die one thing regretting,
That I my daughter once again shan't see,
And, on my mother's grave myself prostrating,
Shall lie no more – Would that these things might
be!

Зачем тюрьма моей могилой стала,
Зачем обагрена постель моя?
Ужель за то, что землю так любил я,
Ее тепла лишен навеки я?

О жизнь, тебя Лейлой своей считал я,
Тебя любил, Меджнуном был твоим,
А ты мое доверчивое сердце
На растерзанье псам швырнула злым,

Оторвала от матери-Отчизны,
Заставила страдать в чужой дали,
И плачу я навзрыд,– но ни слезинки
Не падает на грудь родной земли.

Смотри, Отчизна: горьким сиротою,
Измучась, гибну я в краю чужом.
Пусть этих слез ручей к тебе стремится,
А кровь взойдет пылающим цветком!

Октябрь 1943

Why has my prison now become my tombstone?
Why is the couch I lie on stained with gore?
Could it then be because the earth I loved so,
That I am grudged its warmth for evermore?

O Life, I thought you, ever were my Leila,
I loved you, and a Mejnun was for you,
But my naive, confiding spirit stealing,
You've thrown it to the curs to be consumed.

You've snatched me from my native soil so dear,
You've made me suffer in a foreign land,
I sob and sob, but not a single tear
Will fall upon my native country's strand.

O land of mine, see what a bitter orphan
Is dying, tortured in this foreign clime.
O may this stream of tears to you come pouring,
And may my blood rise as a radiant bloom.

October 1943

Translated by Jessie Davies

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Майским днем соберемся мы за столом,
Будут чаши багряным вином полны,–
Заглушая бокалов серебряный звон,
Будут песни праздничные слышны.

Будет ярко украшен цветами стол,
А лукавые девушки тут как тут–
Чуть коснутся губами наших бровей,
Поздравляя с победой, руки пожмут.

Будет несколько мест пустых за столом,
Потому что не все остались в живых,
И за них мы поднимем первый бокал–
За погибших друзей своих боевых.

Будем счастливы встретить мы земляков,
Закаленных в боях, опаленных огнем,
И от радости – не от вина – пьяны,
Мы любимые песни, конечно, споем.

А потом отодвинем бокалы мы
И поднимемся дружно из-за стола,–
Засучив рукава, на равнины пойдем,
Где друзей священная кровь текла.

Там сгоревшие села работников ждут,
Там дороги разбитые, щебе[illegible]
[illegible] ах...

WHEN THE WAR IS OVER

We will gather around the table one May,
Our glasses with crimson wine will be filled,
There'll be festively merry songs all the day,
Songs to drown out the glasses' silvery trill

With a riot of flowers our board will be decked,
And our beauties will crowd around us to say,
As our brows with their lips they fleetingly peck:
Welcome home, our heroes, on Victory Day!

Here and there we will miss a familiar face,
'Twasn't everyone lived to see this great day.
To their memory our very first glass we will raise,
To the comrades-in-arms who fell on the way.

So much greater our joy to see those who returned,
Who matured in battle, in fire grew strong,
When this joy, not the wine, makes our heads spin and turn,
We will, naturally, sing our favourite songs.

Then we will, one and all, set our glasses aside,
We will rise from the table as one single team.
We will hitch up our sleeves, to the plains we will stride
Where the blood of our friends had but recently streamed.

There the gutted villages must be revived,
There the roads are shambles of ruin and decay...

Пусть проснутся тракторы-богатыри,
Топоры заиграют у нас в руках.

Пусть на месте развалин дома растут,
Пусть кипит победителей дружный труд,

В орошенных горячим пòтом полях
Золотые колосья, смеясь, взойдут!

Октябрь 1943

Let the powerful tractors again come alive,
In our hands let the hammers merrily play.

Let the ruins be replaced by sunny bright homes
Let the victors display how to work in style,
In the sweat-soaked fields that we have sown
Heavy ears of corn will go up in smiles!

October 1943

Translated by Lydia Kmetyuk

К ДВИНЕ

Двина! Где взять мне силы, чтобы вспять
Твое теченье плавное погнать?
Чтоб я, твоей окутанный волной,
Был унесен на родину, домой?

На гребень бурь всегда стремился я,
Плечом раздвинуть грозовой простор.
Зачем же в рабстве гаснет жизнь моя?
И вынесу ли я такой позор?

О, если бы не только твой поток,
Но жизнь мою поворотить я мог,—
Я б, не колеблясь, повернул ее,
Чтоб снова петь отечество мое.

Нет! Я бы там не только песни пел.
Нет! Я бы там пловцом отважным был,
Все трудности бы я перетерпел,
Отдав труду ума и сердца пыл.

На родине и смерть была б легка:
Своя земля укрыла бы, как мать.
И над моей могилой песнь моя
Осталась бы как памятник стоять.

Моя душа не мирится с ярмом.
Одна лишь дума голову гнетет:
«Возьми меня, неси меня, Двина,
В объятиях быстробегущих вод!»

Быть может, утешенье я найду,
Качаясь на седых твоих волнах.

TO THE DVINA

Where can I find sufficient strength and force
That could reverse the Dvina's normal course,
And speed me, pillowed on its swirling foam,
Back to my native country, to my home?

I always strove to ride the storm's high crest,
The fiercely raging tempest to outface.
Now I'm a slave, my suffering unredressed...
How can I stand such sickening disgrace?

If it weren't just the river's mighty flow
But my life could turn and backwards go,
I'd make it do so, and then as before,
I'd gladly sing the Homeland I adore.

But I'd do more than just write poetry.
I would again be spirited and bold.
I'd overpower all adversity,
To my life's work I'd give my heart and soul.

In my own land I feel I'd die in peace,
The soil would welcome me in its embrace,
My songs would sound upon the wafted breeze,
A monument above my resting place.

My soul has not submitted to its bonds.
There's but one single boon for which it craves:
"Oh speed me, great Dvina, far beyond,
Upon the rolling current of your waves!"

Perhaps my weary soul will find relief
When by your tossing billows I'm sustained,

И мой народ любовь мою поймет,
Увидев возвращающийся прах...

Двина, Двина!
О, если бы только вспять
Твое теченье гордое погнать,–
Ты принесла б на родину мою
Меня и песнь свободную мою.

Октябрь 1943

When my devotion people will believe
On seeing the homecoming of my remains...

Dvina, Dvina! If I could but enforce
The backward movement of your stately course,
I know you'd ferry me where I belong
And take along with me my freedom song.

October 1943

Translated by Lydia Kmetyuk

ДРУГУ

*А. А.**

Не огорчайся, друг, что рано умираем,–
Мы жизнью купленной не согласились жить.
Иль не по-своему мы наши дни прожили
И не по-своему хотим их завершить?

И разве мерится длина прожитой жизни
Приходом старости, числом ушедших лет?
Быть может, эта смерть, нависшая над нами,
Подарит нам бессмертья вечный свет?

Поклялся я, что жизнь в бою не пожалею,
Чтоб защитить народ, чтоб Родину спасти,
И разве ты, мой друг, имея сотню жизней,
Их все не отдал бы на этом же пути?

Как сердцу радостно при каждой новой вести,
Что продолжаем мы врагов на фронте бить,
И сколько силы в том, чтоб даже на чужбине
Одними чувствами с родным народом жить!

А если злую смерть я подкупить сумею
И шкуру сберегу, но стану подлецом,
Проклятым каином Отчизна-мать с презреньем
Пусть назовет меня – и плюнет мне в лицо.

* А. А. – татарский писатель Абдулла Алиш, вместе с которым, находясь в тюрьме, Муса Джалиль боролся в подполье

TO A FRIEND

A. A *

Don't take it hard, my friend, this too-soon exit.
Immortal life... who bought, or made a deal?
You see, the kind of life a fellow chooses
Marks off his years and on them sets its seal.

But time itself, between your birth and death,
Is relative, an aspect of your day.
Our blood, outpouring, might be a beginning
Whose deathless wonder time shall not allay.

I swore an oath: I swore I'd give my life for
My people, country – all that they imply!
For this, though years by hundreds lay before you,
Now wouldn't even you this moment die?

Through nights of endless dark, one waits the dawning:
So I, for news of home, in this grim hell.
But if a whisper reach me from my birthland –
And I on foreign soil – what strength upwells!

To save my skin at the expense of honour:
No, better let me die! What would remain
Of life indeed, if your dear Motherland
Could spit right in your face – the face of Cain?

* *A A* – Abdullah Alish, a Tatar writer, Jalil's comrade-in-arms in the prison underground

Не стану никогда желать такого «счастья»,
Всем сердцем чувствую: страшнее нет беды.
Что стоит человек, отвергнутый Отчизной?
Ему на всей земле нет и глотка воды!

Нет, не печалься, друг, что гибнут наши
жизни,
Пред жизнью Родины лишь искорки они,
И пусть погаснем мы, от гордой смерти нашей
Ее грядущие светлее станут дни.

Любовь к родной стране, и мужество,
и верность
Геройской гибелью мы доказать должны,–
Скажи, не этими ли чувствами святыми
Мы с юности сильны, мы до сих пор полны?

Пусть оборвется жизнь, не думай, что
бесследно
Угаснут наши дни, достойно гибель встреть,
Чтоб, услыхав про нас, сказали молодые:
– Так надо жить, так надо умереть!

Октябрь 1943

Such "happiness" as that, I have no need of.
Far better, death—no wrong is meant, I swear.
But in my homeland to become a stranger
So even water is begrudged me there?

Old fellow, see, our life is the minutest
Of sparks—our undefeated country is so vast.
Like sparks we die, go out—from death so fearless
Will blaze a light transcendent, unsurpassed.

This death will put its mark on loyalty,
And as to courage—all our land will know.
Dear friend, and isn't it the culmination
Of our young lives? There'll be no bigger show.

If we're cut down so young, like growing saplings,
Our roots without our people still will grow.
And youngsters say: As brave as that, that's something!
Death must be met by everybody—SO!

October 1943

Translated by Gladys Evans

КАМЕННЫЙ МЕШОК

Цепи каменного мешка
Пусть твоя разорвет рука!
А не сможешь, так смерть
предстанет—
Ведь она здесь всегда близка!

Положили тебя в мешок,
Завязали под злой смешок.
Ставят в очередь твое тело,
Чтоб смолоть его в порошок.

Мелет мельница жизнь людей—
Громоздятся мешки костей.
Жернова́ ее из железа,
С каждым днем они все лютей.

Мельник злится, от крови пьян:
Не мука—кровь течет из ран.
Жадно пьет ее клоп проклятый—
Бесноватый, слепой тиран.

Пусть умолкнет мельницы рев!
Пусть не вертит сила ветров
Крылья черные! Пусть не льется
Дорогая Родине кровь!

Развяжите горы мешков!
Раздавите дом пауков!
Развалите мельницу пыток
Остриями гневных штыков!

Ноябрь 1943

THE PRISON CELL

Fetters with fingers bare
From your small cell down tear,
Else will death you not spare,
Stalking here everywhere

You in a sack they've bound,
To their vile jestings' sound.
Up they've your body lined
To be to powder ground.

Grinds the mill people's lives,
Bags of bones higher rise,
Its millstones iron-wise
Each day more terrorize

No flour the miller grinds,
But blood that drips from wounds,
Greedy the bug imbibes –
Frenzied, vile despot blind.

Let the mill cease its roar!
Its black sails turn no more,
Let there no longer pour,
Dear to our land, the gore.

Unbind those stacks of sacks!
This house of greed attack!
This mill of tortures wrack,
With angry bayonets hack!

November 1943

Translated by Jessie Davies

СЛУЧАЕТСЯ ПОРОЙ

Порой душа бывает так тверда,
Что поразить ее ничто не может.
Пусть ветер смерти холоднее льда,
Он лепестков души не потревожит.

Улыбкой гордою опять сияет взгляд.
И, суету мирскую забывая,
Я вновь хочу, не ведая преград,
Писать, писать, писать, не уставая.

Пусть мои минуты сочтены,
Пусть ждет меня палач и вырыта
могила,
Я ко всему готов. Но мне еще нужны
Бумага белая и черные чернила!

Ноябрь 1943

IT SOMETIMES HAPPENS

It sometimes happens that the soul stands firm.
Although death's cruel wind blows everywhere,
The soul's frail blossom is too proud to tremble:
Even the tiniest petal will not stir.

There is no grief upon his face, no shadow;
No worldly cares disturb the poet's mind
"To write, to write"–there is the only striving
That guides the movement of his failing hand.

Rage on and murder: he has no fear of you
The soul is free, though body be confined.
The poet only needs a scrap of paper
And any pencil stub that he can find.

November 1943

Translated by Alex Miller

13-198

СИЛА ДЖИГИТА

Всем сердцем соколиным, всей душой
Дав клятву верности народу,
Он на плечо повесил автомат,
Сел на коня, готов к походу.

И там, где он прошел, был ворог смят—
Валились пушки, танки тлели.
Откуда эта сила и огонь
В его как будто слабом теле?

Как знамя, верность Родине подняв,
Джигит прошел огонь и воду,
Не автоматом, не конем силен.
А клятвою своей народу.

19 ноября 1943

A WARRIOR'S OATH

He gave his oath with all his heart,
With all his soul—and on his horse,
Gun on his shoulder, straight he sat,
Ready to march to free the Earth.

And where he passed the foe was crushed,
The cannon fell, the steel tanks smouldered...
Whence came such strength, so stout a heart
In what appeared so weak a body?

He, like a banner, proudly rose
In loyalty to his Motherland.
Not due to gun or due to horse—
Due to his sacred oath he won!

19 November 1943

Translated by Dmitry Pryatkin

МЕЧТА

Извела, истомила неволя меня,
Одинаковы дни и ночи.
Все надежды, все страсти моей души
Умертвить заточенье хочет.

Камень стен мою радость взял, а взамен
Дал мне кашель, бессилье, горе.
Подойду к окну – в решетке окно,
Подойду к дверям – на запоре.

Что ни утро – мне виселица грозит,
За мученьем идет мученье.
Жизнь моя только в сладких мечтах
теперь,
Вся отрада – лишь в сновиденье.

Вот опять полоса рассветных лучей
Между прутьев стальных пробилась,
И мне чудится: красный платок
повязав,
Счастье жизни моей явилось.

Улыбается нежно, склонилось ко мне,
Как подруга в былые годы,
И целует, и, под руку взяв, ведет
За собой – на праздник свободы.

Шепчет мне: «Ты напрасно меня
не ждал –
Каждый день надо жаждать счастья,
Я пришла, я свободу и свет принесла,
Утром жизни твоей зажглась я!..»

A DREAM OF JOY

The exhaustion of prison is taking its toll.
All the days and the nights are anguish.
Every hope, every passion that stirred my soul
My confinement strives to extinguish.

My vitality by the stone cell has been sapped.
In its place have come sickness and sorrow.
When I try the door I see I am trapped,
There are heavy bars on the window.

Torture follows on torture without reprieve,
Every morning I face the gallows.
All the solace I have is in heavy sleep,
I live solely by chasing rainbows.

See, again in the dawn, a brilliant beam
Through the steel of the bars has speared,
And it seems to me she is here, yes it seems
That the joy of my life has appeared.

She smiles tenderly, kisses me as in days past
My true love did in kerchief of crimson,
She inclines towards me and my hand she clasps,
Leading me to a fête of freedom.

And she whispers: "You were wrong not to wait,
You must crave for joy every moment,
I have come to shed light and to liberate,
To arise as your dawn refulgent!..."

О мечта, мечта!.. Ты всегда сладка,
Ты меня ни на миг не бросаешь,
Что я делал бы в этой темнице один,–
Хорошо, хоть ты помогаешь!

Знаю, жить недолго осталось мне,
Но мечте самой лучшей – сбыться:
Жизнь и счастье даря, победы заря
Над Отчизной моей разгорится.

Ноябрь 1943

Oh my dream, you never fail to elate,
You've stayed staunchly by me to this second.
I could never have managed alone in those straits
If it were not for such a godsend!

I've not long left to live in the world I know,
But my fondest dream will come true.
The bright dawn of victory will rise to bestow
Life and happiness on my country.

November 1943

Translated by Lydia Kmetyuk

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Андре Тиммермансу

Здесь нет вина. Так пусть напитком
Нам служит наших слез вино!
Нальем! У нас его с избытком.
Сердца насквозь прожжет оно.
Быть может, с горечью и солью
И боль сердечных ран пройдет...
Нальем! Так пусть же с этой болью
Уходит сорок третий год.

Уходишь, борода седая,
Навеки землю покидая?
Ты крепко запер нас в подвал.
Прощай! На счастье уповая,
Я поднимаю мой бокал.
Довольно жизням обрываться!
Довольно крови утекло!
Пусть наши муки утолятся!
Пусть станет на душе светло!

Да принесет грядущий Новый
Свободу сладкую для нас!
Да снимет с наших рук оковы!
Да вытрет слезы с наших глаз!
Согрев целебными лучами,
Тюремный кашель унесет!
И в час победы пусть с друзьями
Соединит нас Новый год!
Пусть будут жаркие объятья
И слезы счастья на очах!
Пускай в честь нас печет оладьи
В родном дому родной очаг!
Да встретятся жена и дети

WISHES FOR THE NEW YEAR

to André Timmermans

We have no wine here to regale us
So let our tears serve as wine!
Let's pour. This drink we have in surplus,
Our hearts it'll burn right through with brine.
Perhaps its bitterness will succour
The pain in our wounded hearts...
Let's pour, and with the pain and rancour
Let Nineteen Forty Three depart.

You're going, are you, you old gaffer,
Departing from this earth forever?
You've locked us up inside a clink.
Farewell! To hopes of better fortune,
I raise my brimming glass and drink.
It's time the massacre abated.
It's time the flow of blood had ceased.
Let our torments be sedated!
May our hearts rejoice in peace!

And may the oncoming New Year
From our shackles set us free.
And may it dry our bitter tears
And bring us joy of liberty!
In its sunshiny healthful radiance
The prison cough will soon die down.
It'll muster friend and old acquaintance
The hour of victory to crown.
May there be tears of joy at meeting
And may embraces all be warm.
Let there be happiness and feasting
By every hearth, in every home!
May man and wife be reunited

С любимым мужем и отцом!
И чтобы в радостной беседе,
Стихи читая о победе
И запивая их вином,
Истекший год мы провожали
И наступающий встречали
За пышным праздничным столом!..

1943

With loving children at long last,
Let conversation be delightful
As poems of victory reciting
We sip the wine in our glasses,
And toast the year that is fast passing,
And toast the New Year that is approaching,
Round tables groaning with good cheer!

1943

Translated by Lydia Kmetyuk

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

II. ИЗ МОАБИТСКОЙ ТЕТРАДИ

Request to Readers

Progress Publishers would be glad to have your opinion of this book, its translation and design and any suggestions you may have for future publications

Please send all your comments to 17, Zubovsky Boulevard, Moscow, USSR.